
БМАК

Grisha

ГРИША.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ РАСКОЛЬНИЧЬЯГО БЫТА.

Изданіе Д. Е. Кожанчикова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза».

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 12-го Мая, 1861 года. Исправляющій должность.

Ценсоръ *С. Загибенинъ.*

ГРИША.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ РАСКОЛЬНИЧЬЯГО БЫТА.

Давно то было.—Лѣтъ пятьдесятъ и побольше того. Жило да было въ уѣздномъ городѣ Колгуевѣ богатое купеческое семейство Гусятниковыхъ.

Въ самомъ углу города строенія Гусятниковыхъ занимали цѣлый кварталъ: тутъ были и кожевенный заводъ, и салотопня, и свѣчной заводъ, и клееварня. И до сихъ поръ стоятъ развалины большаго каменнаго дома; отъ другихъ строеній и слѣда не осталось — все вычистило въ большой пожаръ, отъ котораго въ два часа сгорѣло полгорода лѣтъ пять-шесть тому назадъ.

И теперь есть въ Колгуевѣ Гусятниковы, только люди они захудалые, обнищалые. Изъ

купцовъ въ мѣщане давно переписались: старики только-что не съ сумой ходятъ, а которые молодые—всѣ въ солдаты по найму ушли. Совсѣмъ сгибъ да пропалъ купеческій домъ Гусятниковыхъ, а лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ былъ онъ знаемъ и славенъ и въ Казани, и въ Астрахани, и въ Москвѣ, и въ Сибири. И какіе богатые были! Сколько добра было въ домѣ, какую торговлю вели!.... Все прахомъ да тлѣномъ пошло!

Держался домъ Гусятниковыхъ матерью теперешнихъ обнищалыхъ стариковъ. Покамѣстъ жива была Евпраксія Михайловна, жили они въ богатствѣ и почетѣ; какъ не стало ея — все пошло на другую стать,—ровно унесла она съ собой въ могилу прежнюю честь, прежнее довольство, прежнее житье-бытье Гусятниковыхъ. Какъ только схоронили ее, такъ и зачали сыновья путаться; путались они путались, да лѣтъ черезъ десятокъ до такой мѣры допутались, что и спать стали не ужинавши ложиться. А не были ни воры, ни бражники: народъ все тихій, обходительный, и не дураки, и послѣ смерти ма-

тери никакого Божьяго насланія на нихъ не было—ни пожара, ни потопа, ни суда, никакого инаго разоренія. И въ подряды казенные не вступали, и откуповъ не держали — а прогорѣли. Ужь такая видно судьба ихняя.

Правда, передъ самой смертью Евпраксіи Михайловны, было у нихъ горе. Но, кажется бы, отъ этого горя еще нельзя было въ конъ разориться. Нѣтъ, ужь судьба, просто судьба!...

Отецъ Гусятниковыхъ — мужъ Евпраксіи Михайловны, хоть и бойко торговалъ, да дѣла не совсѣмъ въ порядкѣ держалъ, и какъ померъ — а померъ-то въ одночасье, на чужой сторонѣ—въ Саратовѣ никакъ—такъ чуть-было не пришлось конкурсы дѣлать. Евпраксія Михайловна послѣ него молодой вдовой осталась, а на рукахъ семья, да семья-то не маленькая: пять сыновей, да двѣ дочери мал-мала меньше. Седьмымъ ребенкомъ на сносяхъ ходила, какъ пали къ ней вѣсти, что сожитель ея побывшился. «Ну, совсѣмъ теперь порѣшились Гусятниковы», заговорили по купечеству.—Родила Евпраксія Михайловна, справилась, по му-

жѣ сорочины исполнила и сама за дѣло взялась.—«Куда молодой бабёнкѣ съ такими дѣлами возиться, заговорило купечество: отъ такихъ дѣлъ и у стараго торгаша голова затрещитъ! Куда ей?»

Но въ немощахъ человѣческихъ Господь силу свою являетъ: молодая вдова въ какіе нибудь три-четыре года дѣла свои на самую лучшую ногу поставила, а кожевенный заводъ, при мужѣ-то чуть не совсѣмъ заброшенный, такъ подняла, что сдѣлался онъ что ни на есть первымъ по всей губерніи и на самой Макарьевской ярмаркѣ юфть гусятниковская стала всѣмъ знаема. Сыновей Евпраксія Михайловна вырастила, выучила, переженила, дочерей замужъ повыдала за хорошихъ людей: одну въ Казань за купца, другую въ Муромъ, третью чуть ли не въ Арзамасъ. Сыновья не дѣлились, всѣ при матери жили даже и тогда, какъ своихъ дѣтей переженили. Ну, одно слово—такъ все хорошо да ладно устроила Евпраксія Михайловна, что и мужчинѣ не всякому такъ удастся. И наградилъ ее Господь многолѣтіемъ, видѣла Евпрак-

сія Михайловна внуковъ женатыхъ, нянчила, холила правнуковъ, и отъ всѣхъ людей почтена была за жизнь строгую, подвижную. Правдой жила: много добра потаеннаго творила, много раздала тайной милостыни, и поднесла Господу на смертномъ одрѣ три дара: первый даръ—ночное моленье́, другой даръ—постъ-воздержанье, третій даръ—любовь-добродѣтель.

Особенно страннолюбію поревновала Евпраксія Михайловна. Бывало, кто ни приди къ ея дому, кто ни помяни у воротъ имя Христово—всякому и хлѣбъ, и соль, и теплый уголъ. На краю обширной своей усадьбы, неподалеку отъ маленькой рѣчки, на самомъ на вспольѣ, ставила средобольная вдовица особую келью ради пристанища людей странныхъ, ради трудниковъ Христовыхъ, ради перехожихъ богомольцевъ. Много тутъ странниковъ привитало, много въ той келійкѣ страннаго народа упокоено было, много здѣсь къ Господу теплыхъ молитвъ пролито было за честную вдовицу Евпраксію.

Женскаго пола странніе люди у Евпраксіи Михайловны въ самомъ дому привитали; сама

она съ дочками, покамѣсть замужъ ихъ не повыдала, да съ невѣстками, за странницами, ради Бога, ходила; а мужской полъ, по старому уставу, долженъ жить особо, и послужить старцу долженъ мужчина. Для того-то и строила Евпраксія Михайловна на усадѣ страннопріимную келью, а потомъ искала человѣчка, чтобы смотрѣлъ онъ за келійкой деннонощно, былъ бы при ней безъисходно, приносилъ бы старцамъ и перехожимъ богомольцамъ съ поварни горячую пищу; а служилъ бы не изъ платы, а по доброму своему хотѣнью, плоть да волю свою умерщвлялъ бы и дѣлалъ бы дѣло свое ради Бога. Въ страхѣ Господнемъ вспоенные, вскормленные сыновья сами на такое богоугодное дѣло одинъ передъ другимъ просились, однако Евпраксія Михайловна на то имъ говорила:

— Полно-ка вамъ, дѣтки! Развѣ вамъ того неизвѣстно, что всякому человѣку отъ Бога своя дорога, каждому человѣку отъ Господа своя забота? Вамъ дана забота—вести торгъ честный, а на келейное дѣло вы, мои ребятки, еще несгодились. Нѣтъ, дѣтки, семъ-ка присмот-

римъ мы сироту такого, чтобы смирный былъ да богобоязный, ради Бога работящій и терпѣливый. По силѣ помощь ему подадимъ: барскій, такъ выкупимъ; вольный, такъ рекрутскую квитанцію за него выправимъ—и станетъ онъ у насъ старцевъ покоить, да Бога молить объ отпущеніи нашихъ согрѣшеній... Ладно, что ли, ребятки?

Сыновья матери съ роду ни въ чемъ не перечили, а по такому душевному дѣлу и подавно. Рѣшили искать сироту. По скорости и отъискали.

Послѣ колгуевскаго мѣщанина Аверьяна Самохинскаго, горькаго пропойцы, что подлѣ кабака и жизнь покончилъ, оставался сынъ Григорій. Не было у него ни роду, ни племени; куда ни оглянись, со всякой стороны, какъ есть—сирота круглый. Ужь было ему лѣтъ тринадцать, а мальчишка все промежь дворовъ мотался: гдѣ съѣстъ, гдѣ изопьетъ, гдѣ въ банькѣ выпарится, а все именемъ Христовымъ. Только и праздникъ бывалъ Гришуткѣ, когда иной разъ какая-нибудь бабёнка, сжалившись надъ горе-

мычнымъ, обносокъ ему подастъ. И пойдетъ ему тотъ обносокъ за нову рубаху. Паренёкъ былъ смирный, тихій, послушный: ну, извѣстное дѣло—нужда да сиротство чему не научатъ! И открылъ ему Господь разумъ: выучился Гришутка грамотѣ самоучкой, и ходя по домамъ безграмотныхъ мѣщанъ, читалъ имъ псалтирь да чети-минею. И возлюбилъ Гриша божественныя книги, и ужь такъ хорошо онъ пѣлъ духовныя пѣсни, что и такой человѣкъ, что въ суетѣ вѣкъ свой проводитъ, заслушается бывало его поневолѣ. А былъ онъ изъ раскольниковъ, изъ «записныхъ» — изъ самыхъ, значитъ, коренныхъ—дѣды его и прадѣды двойной окладъ платили, указное платье съ жолтымъ козыремъ носили и браду свою пошлиной окупали. Это было тоже съ руки Евпраксіи Михайловнѣ, для того, что и сама онъ съ дѣтками тоже «по древлему благочестію» пребывала, то есть по-просту сказать раскольничала. Только были Гусятниковы не злой какой-нибудь секты, не изувѣрной, а по бѣглому священству—по Рогожскому, значитъ, кладбищу. И взяла къ себѣ въ

домъ Евпраксія Михайловна сироту Гришу. Обмыли его, одѣли, рекрутскую квитанцію за парня выправили, и по его доброй волѣ, по его благому хотѣнью, приставили его къ богадѣльной кельѣ. Тамъ, за кафельной печкой-голанкой, устроили ему каморку. Въ этой каморкѣ, объ одномъ маломъ оконцѣ, сталъ жить и подвизаться молодой келейникъ, а въ свободное время, когда въ келійкѣ ни скитскихъ старцевъ, ни перехожихъ богомольцевъ не было, читалъ онъ все книги о житіи пустынниковъ и подвижниковъ Христовыхъ, что въ Палестинѣ, и во Египтѣ, и въ ѳиваидскихъ пустыняхъ труднымъ и добрымъ подвигомъ, ради Господа, подвизались.

Живетъ Гриша у Евпраксіи Михайловны годъ, живетъ Гриша другой, живетъ третій, а все старцамъ и страннимъ людямъ служитъ, все божественныя книги читаетъ.

Отверзстою душою и умомъ нераздвоеннымъ внималъ нашъ келейникъ сказаніямъ о подвигахъ отцовъ преподобныхъ, и съ особеннымъ жаромъ, съ особой любовью читалъ онъ «Повѣсть объ ин-

дѣйскомъ царевичѣ Асафѣ». «Вотъ вѣдь», думаетъ, бывало, Гришутка: «и царевичъ былъ, и царствомъ владѣлъ, жилъ въ бѣлокаменныхъ палатахъ, было у него казны золотой несмѣтно, было у него всякихъ земныхъ сокровищъ неизсчетно, а промѣнялъ же царскія брашна на гнилую колоду, сладкіе меда на болотну водицу...» И западала въ юную голову Гриши крѣпкая дума—какъ бы и ему въ дебряхъ пустынныхъ постомъ и молитвой спасать свою душу... Разросталась, расширялась у него такая дума и, глядя на синеву дремучаго лѣса, что за рѣчкой виднѣлся на краю небосклона, только о томъ и помышлялъ Гриша, какъ бы въ этомъ лѣсу келійку ему поставить, какъ бы тамъ въ безмятежной пустыни молиться Богу, какъ бы дивіимъ овощемъ питаться какъ бы честнымъ житіемъ вѣкъ свой подвизаться, какъ бы столбъ себѣ ради подвига великаго поставить, какъ бы стоять на томъ столбѣ тридесять лѣтъ несходно, не ложась и колѣнъ не преклоняя, отъ персей рукъ не откладая, очи съ неба не спуская... Стоитъ, бывало, стоитъ надъ келейникъ, вперя въ даль свои очи, стоитъ,

самъ ничего не слышитъ, а по душѣ у него сладость разольется, и самъ не знаетъ, отчего онъ заплачетъ; заструятся у него по впалымъ, блѣднымъ ланитамъ горячія слезы, и запоетъ онъ тихонько стихъ въ похвалу пустынѣ:

«О, прекрасная мати-пустыня!
Самъ Господь пустыню похваляетъ,
Отцы во пустыняхъ скитались,
И ангелы отцамъ помогали...
Прекрасная ты пустыня,
Прекрасная ты раиня,
Любимая моя мати!
Прими ты меня, мать-пустыня,
Отъ юности моея прелестной!
Научи ты меня, пустыня,»
Какъ жить и творить Божье дѣло!

И долго, долго, бывало, тихимъ, тоскливымъ напѣвомъ поетъ Гриша, глядя на синеву лѣсную. Спустится вечерняя тѣнь на землю, и лѣсъ черной полосой вытянется по краю неба, а онъ все поетъ да поетъ свою любимую пѣсню; яркія звѣздочки одна за другой начнутъ вспыхивать въ небѣ, и полный мѣсяцъ выкатится изъ за лѣ-

са; серебристымъ лучомъ обольетъ онъ и широкіе луга, и сонную рѣчку, и бѣлоснѣжные, песчаные берега ея и темныя, нависшія въ воду ракиты, а Гриша, не чувствуя ни голода, ни ночнаго холода, стоитъ босой на покрытой росою луговинѣ и все поетъ да поетъ про прекрасную мать-пустыню...

А подвизался нашъ Гриша житіемъ строгимъ; въ великіе только праздники вкушалъ горячую пищу, а то, кромѣ хлѣба да воды, въ ротъ ничего не бралъ. Строгій былъ молчальникъ, празднаго слова, бывало, никогда не молвитъ, только бывало его и слышно, какъ распѣваетъ свои духовные псалмы, да что ни дѣлаетъ, гдѣ ни ходитъ, все молитву шепчетъ.

А на усадѣ Евпраксіи Михайловны народу жило много: тутъ стояли заводы кожевенный, салотопенный, свѣчной, клееварный, тутъ же кошму изъ шерсти валяли, овчины выдѣлывали,—стало быть однихъ работниковъ что тутъ жило! А кромѣ того по торговой части прикащики да артельщики и другіе наемные люди—и всѣ они жили въ особыхъ избахъ, каждый съ своимъ

семействомъ. Такъ устроила своихъ домочадцевъ добрая, заботливая обо всемъ, домовитая Евпраксія Михайловна. По задворью и огороду и по всему усаду народъ день-деньской такъ и снуетъ такъ и кишитъ, бывало, такъ и носится роемъ. Съ ранняго утра до поздней ночи стономъ, бывало, стоятъ голоса. И на такомъ-то великомъ многолюдствѣ, на такой-то шумной суетѣ слова ни съ кѣмъ не перемолвитъ нашъ келейникъ, ходитъ, опустя очи въ сырую землю, ничего не видя, ничего не слыша, и беззлобно, безотвѣтно переноситъ злыя насмѣшки рабочихъ, щипки, да рывки мальчишекъ. Но глумленія, укоризнъ и всякой досады отъ нихъ Гриша не боялся, и всѣ озлобленія неразумныхъ и суетныхъ людей принималъ съ благодарностью, почитая ихъ за благодѣянія; за то пуще огня, пуще полымя боялся онъ женскаго пола. Наслушался онъ отъ перехожихъ старцевъ, и самъ въ книгахъ начитался, что женская лѣпота горше всякаго другаго соблазна, что и самыхъ строгихъ подвижниковъ врагъ рода человѣческаго, діаволъ, всегда искій кого поглотити, уловлялъ въ свои геенскія сѣти жен-

ской, грѣховной красотою... А молодыя дѣвчата — десятковъ до трехъ жило ихъ на усадѣ — изловять, бывало, Гришу гдѣ нибудь на огородѣ или на вспольѣ, у рѣчки, хвать его за руки да и ну вертѣть вокругъ себя, тормошить его всячески, обнимать его бѣлыми, какъ молоко, да полными, упругими руками... А сами звонкими, смѣющимися голосами припѣваютъ:

«Монашекъ, монашекъ.
Купи намъ калачикъ,
Мы тебя, монашекъ, поцалуемъ,
Подъ ракитовымъ кусточкомъ побалуемъ...
Монашекъ, монашекъ,
Купи-ка намъ калачикъ.»

Молитву за молитвой творитъ бѣдный Гришутка, крѣпко защуривъ очи, чтобы не встрѣтиться взоромъ съ свѣтлыми, палящими пуще огня дѣвичьими глазами... Дня по два, да по три послѣ такого искушенія бывалъ онъ самъ не въ себѣ: накладываетъ на себя постъ втрое строже, насыпаетъ у себя въ каморкѣ кремней и битыхъ стеколъ, и ходитъ по нимъ босыми ногами, кладетъ тысячи по три поклоновъ въ сутки, нала-

гаетъ на плечи желѣзныя вериги и читаетъ прилежно Авву Дороѳея. Все ему хочется заглушить въ тайникѣ до дна взволнованной души память о жгучемъ, томительномъ, дыханіе захватывающемъ чувствѣ, что сладкоогненной струей пробѣгало по всѣмъ его суставамъ и, какъ пламенной иглой, кололо насквозь сердце, когда бѣлолицыя, полногрудыя озорницы ловили его, сжимали въ своихъ объятіяхъ и обдавали лицо строгаго постника горячимъ, сладострастнымъ дыханьемъ... Стоитъ Гриша на кремняхъ и на битыхъ стклянкахъ передъ складнымъ кожанымъ налоемъ, передъ книгой Аввы Дороѳея, громкимъ голосомъ читаетъ ее истово и мѣрно, а все-то ему слышится звонкій хохотъ Дуняши, самой озорной изо всѣхъ гусятниковскихъ усадскихъ дѣвокъ... Завсегда, бывало, эта Дуняша первая подъуститъ на келейника дѣвокъ, первая подманитъ подругъ на вспольe, первая затащитъ Гришу въ кругъ дѣвичій, первая заведетъ игры, первая успѣетъ обвить шею постника жаркими руками, и съ громкимъ, далеко разносящимся въ

вечерней тиши хохотомъ успѣетъ прижать отуманенную его голову къ своей груди лебединой...

Стоитъ Гриша, борзо и истово перебирая лѣстовку, усердно кладетъ земные поклоны и потомъ начинаетъ читать въ полголоса «Скитское Покаяніе»: «Согрѣшилъ есмь душею, и умомъ, и тѣломъ», шепчетъ онъ: «сномъ и лѣностію, во омраченіяхъ бѣсовскихъ, въ мыслѣхъ нечистыхъ». Такъ шепчетъ Гриша, глядя въ «Скитское Покаяніе», но слово звучитъ безъ участія ума—помыслы міра мятежнаго и полнаго прелестей возстаютъ передъ нимъ въ самыхъ обольстительныхъ ббразахъ, и какой-то таинственный голосъ исходящій будто изъ глубины его замирающаго сердца, сладко и соблазнительно говоритъ ему: «Помнишъ Дуню молодую? Помнишь, какъ глаза у ней горѣли? Помнишь, какъ грудь у ней колыхалась?..»

Вздрогнетъ всѣмъ тѣломъ Гришутка, и отчаянный вопль вырвется изъ души его. Самъ себя пугается, торопливо ограждаетъ себя крестнымъ знаменіемъ и, судорожно схвативъ съ налоя

«Єкитское Покаяніе», громко забарабанитъ, глядя въ книгу:

«Грядетъ міра помышленіе грѣховно, борютъ мя страсти и помыслы мятежны—помилуй, Господи, раба своего, очисти мя окаяннаго, скверна-го, безумнаго, неистоваго, злопытливаго, неключимаго, унылаго, вредоумнаго, развращеннаго...»

А голосъ свое твердитъ:

«Вспомни, какъ горѣли у ней очи ясныя, какъ горѣли огнемъ щеки—маковъ цвѣтъ... Вспомни, какъ дрожа всѣмъ тѣломъ, изнывая въ сердечной истомѣ, она обняла тебя,.... какъ прильнула къ тебѣ устами алыми, какъ прижала тебя къ бѣлоснѣжной груди...»

«Изми мя отъ врагъ моихъ,» громко читаетъ по своей книгѣ келейникъ: «и отъ возстающихъ на мя избави мя; изми мя отъ руку діавола; отжени отъ мене омраченіе помысловъ, духъ нечистъ и лукавнующій; избави мя отъ сѣти ловчи, и не вниди въ судъ съ рабомъ своимъ...»

А голосъ сердечный: «Брось молитву! Вонъ изъ кельи! Къ ней поди! Посмотри, тамъ въ свѣтелкѣ она спитъ одна у окна... Высоко подни-

мается грудь, и раскрыты уста, и дыханье ея горячо...»

«О, Господи!... я падаю...» шепчетъ келейникъ: «спаси...»

А голосъ: «Какъ бы сладко прильнуть къ красотѣ молодой!»

Послѣднія силы собралъ Гриша на отогнаніе лукаваго бѣса, крѣпко ухватилъ онъ лѣстовку, хочетъ читать молитву на прогнаніе бѣсовскихъ искушеній.... Но сухія, дрожащія уста вторятъ таинственному: сердечному голосу: «Какъ бы сладко припасть къ ея персямъ щекой огневой»...

. . . .

Вдругъ стукнуло оконце и растворилось. Въ бѣлыхъ рукавахъ, бѣломъ передникѣ и блѣдно-розовомъ сарафанѣ, съ распущенными, длинными темными волосами, въ вѣнкѣ изъ васильковъ, вся облитая сіяньемъ мѣсяца, лукаво улыбаясь, глядитъ на постника миловидная Дуня.

— «Здравствуй Гриша голубчикъ! Здравствуй, желанный»! яснымъ голоскомъ крикнула и, заливаясь рѣзвымъ хохотомъ, прыснула, какъ кошеч-

ка, за подругами на всполье. И только въ тиши ночной раздается надъ рѣчкой пѣсня дѣвичья:

«Мы посѣемъ, дѣвки, ленъ, ленъ, ленъ,
«Мы посѣемъ молодой, молодой...

Стоитъ босой Гришутка на кремняхъ, какъ вкопанный,—лѣстовка изъ рукъ выпала, «Скитское Покаяніе» на полу валяется и давятъ плечи тяжелыя вериги. Тихо шепчетъ келейникъ: «Ахъ, Дуня, Дуня!..»

А издалека, съ поля несутся да несутся веселые звуки ночнаго хоровода дѣвушекъ, справляющихъ Красную Горку.

Какъ во городѣ было во Казани,
Сдунинай-най-най — во Казани,
Молодой чернецъ постригался,
Сдунинай-най-най — постригался.»

А свѣжій воздухъ майской ночи теплымъ, душистымъ потокомъ такъ и льется черезъ отворенное Дуней оконце въ душную келью стоящаго на кремняхъ и стеклахъ юнаго постника. Тихо рыдаетъ отшельникъ и по распаленному лицу его обильно струятся слезы, но онѣ ужь

не такъ для него сладки, какъ тѣ, что лились прежде, когда онъ въ самозабвеніи, глядя на зеленый лѣсъ, пѣвалъ пѣсню въ похвалу пустыни...

Идетъ день за днемъ, идетъ годъ за годомъ — Гриша все живетъ у Евпраксіи Михайловны. Темнѣютъ бревенчатыя стѣны и тесовая крыша богадѣльной кельи, — поднимаются, разрастаются вокругъ нея кудрявыя липки, рукой келейника посаженныя, а онъ все живетъ у Евпраксіи Михайловны. И самъ ужь сдѣлался не таковъ, какимъ впервые пришелъ сюда — и ростомъ сталъ выше, и на видъ возмужалъ, и русая бородка обросла блѣдное, исхудалое лицо молодаго постника.

Много всякаго народа перебывало на глазахъ у Гриши во ввѣренной его надзору и попеченію кельѣ: всѣ раскольники и ближніе и дальніе, и каждый трудникъ, каждый перехожій богомолецъ, идутъ бывало къ Евпраксіи Михайловнѣ въ домъ обо всякую пору, какъ подъ свою родную кровлю. Кто бывало ни брякнетъ тяжелымъ, желѣзнымъ кольцомъ о дубовую калитку страннолюбивой вдовицы, кто ни возвѣститъ о себѣ именемъ Христовымъ, всякому готовъ теплый уголъ, будь

онъ раскольникъ поповщинскій или безпоповщинскій, будь единовѣрецъ или церковникъ — все равно, отказу никому не бывало. «Всѣ люди — Христовы человѣки», говаривала бывало Евпраксія Михайловна, когда скитскія матушки-келейницы, или читавшія у ней въ дому неугасимую «канонницы» изъ Керженца начнутъ ее началить за то, что она де сообщается со еретики, давая всякому у себя пристанище — и покрещеванцу, и никоніанину, и Богъ вѣсть какимъ еще сектамъ.

Много, много всякаго народа насмотрѣлся Гриша; но что-то не встрѣчалось ему такихъ подвижниковъ, о какихъ читывалъ онъ въ Патерикѣ и прологахъ. «Неужели», думаетъ бывало онъ: «неужели всѣхъ человѣковъ до единаго обуяла грѣховная, мірская суета? Неужели всѣ люди работаютъ плоти своей? Что̀ это за трудники, что̀ это за подвижники? Я и младъ человѣкъ, и страстями водимъ, а правила постничества и молитвы не въ примѣръ тверже ихъ сохраняю.»

Поднимала такимъ помышленіемъ въ тайникѣ души его змѣиную свою голову гордость треклятая. Старался Гриша прогонять эти лукавыя

мысли, какъ внушенныя врагомъ-діаволомъ, какъ помыслъ гордыни, отъ которой — читывалъ онъ — многіе подвижники съ высоты своего ангелоподобнаго житія пали, но самообольщеніе и гордость смиреніемъ, гордость своимъ многотруднымъ подвигомъ неслышно, невидимо точили его душу... «И въ-самомъ-дѣлѣ», думывалъ онъ: «что же это за трудники, чтожь это за постники, что въ моей богоданной келійкѣ привитаютъ?»

А днемъ, на людяхъ, бывало, у нихъ только и слова, какъ Христову рабу довлѣетъ жить на вольномъ свѣту: сладко не ѣсть, пьяно не пить, тѣлеса свои грѣшныя не вынѣживать, не спѣсивому быть, не горделивому, не копить сокровищъ и тлѣнныхъ богатствъ земныхъ, до сирыхъ, убогихъ быть податливу, — а ночью, какъ люди поулягутся спать и уйдетъ Гриша въ свою каморку за кафельную голанку, старцы честные послѣ плотной, вечерней трапезы съ поварни Евпраксіи Михайловны не на правило ночное становятся, а дѣломъ не волоча, прямо къ мягкому пуховику на боковую. А иной, бывало, всю ноченьку деньги просчитаетъ, что пособралъ у христолюбцовъ и дате-

лей доброхотныхъ; а другой съ полштофчикомъ до свѣту пробесѣдуетъ; а какъ двое соберутся, такъ того и жди, что вмѣсто душеспасительныхъ словесъ, о дѣвкахъ, да о бабахъ рѣчь поведутъ...

Сидитъ бывало Гриша, пришипившись въ своей каморкѣ, сидитъ да въ щелочку смотритъ, глазъ съ трудниковъ не спускаетъ, глядитъ, сколь добрымъ, душе спасительнымъ подвигомъ иной старецъ въ тиши ночной подвизается. Но глубоко проникнутый духомъ суроваго, но съ тѣмъ вмѣстѣ и мечтательнаго, аскетизма, не вѣритъ Гриша очамъ своимъ тѣлеснымъ, а силится прозрѣть духовными очами, гонитъ отъ мятущагося ума своего мысль о непотребствѣ старца, и на то помыселъ свой устремляетъ, что это де врагъ, духъ лукавый, бѣсовское мечтаніе свое грѣшнымъ очамъ его представляетъ... И начинаетъ бывало творить молитву отъ діавольскаго наважденія, а самъ все смотритъ, какъ старецъ съ водочкой бесѣду ведетъ либо деньги считаетъ.

Насилуя себя такимъ образомъ, безпрестанно держа умъ свой въ такомъ настроеніи, Гриша постоянно воображалъ себя окруженнымъ тем-

ною силою ратующихъ противу него демоновъ, которые, являясь передъ нимъ въ разныхъ соблазнительныхъ образахъ, стараются уловить его въ разставленныя сѣти, совратить съ тѣснаго пути, которымъ онъ шествовалъ, и увлечь въ шумный, полный соблазновъ и грѣховной суеты, многопрелестный міръ... Онъ старался убѣдить себя, что и по ночамъ-то не сама Дуняша къ нему въ оконце постукиваетъ, не сама на рѣчкѣ съ нимъ заигрываетъ, но нѣкій отъ ѳеіоповъ, сирѣчь бѣсъ преисподній, во образѣ дѣвическомъ приходитъ изъ ада его смущати... «Вѣдь окаянный-то», думалъ онъ, «все больше во образѣ жены съ трудниками борется; и въ книгахъ писано, что въ древнія времена въ киновіяхъ и великихъ лаврахъ синайскихъ и въ пустыняхъ египетскихъ и ѳиваидскихъ преподобнымъ отцамъ бѣси все больше въ женскомъ образѣ являлись... Ужъ такой у нихъ, у проклятыхъ, скверный обычай! А все на пакость человѣку.»

Приходили одинъ разъ къ Евпраксіи Михайловнѣ двое старцевъ, оба раскольническіе монахи. Одинъ сказался изъ Чернолѣсскаго скита, а дру-

гой былъ бродячій инокъ. — Такихъ бродячихъ иноковъ не мало между раскольниками, особенно по глухимъ мѣстамъ. Наскучивъ жить въ скитѣ, гдѣ надо подчиняться общежительнымъ правиламъ и повиноваться отцу-настоятелю, или будучи изгнаны изъ обители за какое ни на есть безчинство, непутные старцы пускаются бродить по бѣлу свѣту. То у одного добраго человѣка поживутъ, то у другаго, да этакъ бродя изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, вѣкъ свой промежь людей и проколотятся. А и такіе есть, что не только въ скитахъ не живали, да и не видывали, какой есть скитъ. Надѣлъ «своимъ изволомъ» манатейку да кафтырь, и пошелъ странствовать по раскольничьимъ деревнямъ, и пошелъ слыть за инока честнàго.

Скитскій старецъ — звали его Мардаріемъ — пріѣхалъ въ Колгуевъ на монастырской подводѣ съ просительнымъ письмомъ къ «благодѣтельницѣ» Евпраксіи Михайловнѣ отъ чернолѣсскаго настоятеля Пафнутія: прислать на монастырскую потребу ржицы да пшенички, маслица да

рыбки, а если милость будетъ, то и деньжонками не оставитъ. Былъ онъ старецъ тучный, лицо красное, плѣшь во весь лобъ, а борода широкая, круглая, чуть не по поясъ. Отдавъ жирную лошадь на попеченіе работникамъ Евпраксіи Михайловны, отецъ Мардарій сначала зашелъ въ батрацкую избу, снялъ съ головы мѣховой треухъ, распоясалъ красный гарусный кушакъ, скинулъ нагольный тулупъ, и сталъ одѣваться во иноческій чинъ: надѣлъ свиту, камилавку съ кафтыремъ, вынувъ ихъ изъ пещура, взялъ въ лѣвую руку лѣстовку и сталъ какъ надо быть монаху. Въ пути ни онъ, ни другой кто изъ чернолѣсской братіи таковой одежды носить не дерзалъ; въ уѣздѣ есть исправникъ да становой, а въ городѣ городничій. Какъ разъ за эту одежду, какъ «за внѣшнее оказательство ереси», за желѣзную рѣшотку угодишь или карманъ дочиста опорожнить придется. Войдя въ горницу Евпраксіи Михайловны, Мардарій первоначально, какъ слѣдуетъ, положилъ уставной, семипоклонный «началъ», потомъ, поклонясь въ поясъ на всѣ стороны, подошелъ къ хозяйкѣ. Евпраксія

Михайловна, какъ ни богата была, въ какомъ почетѣ ни состояла, творитъ «метанія», по уставу дважды, къ стопамъ Мардарія припадая, съ словами: «прости, честный отче! благослови, честный отче!»

—«Богъ проститъ, Богъ благословитъ,» отвѣчаетъ Мардарій, и подавая просительное письмо своего игумена—начинаетъ вести рѣчь, тоже чуть ли не уставную.

—Христіанскія жизни доброподражательница, ко смиреннымъ, бѣднымъ и убогимъ скорая помощница, крѣпкая хранительница отеческаго преданія, добродѣтелями сіяющая, яко солнце, и смиреніемъ, яко бисеромъ многоцѣннымъ, благоукрашенная, честная вдовица, раба Божія Евпраксія! Ко твоей любви притекаемъ, отъ твоихъ великихъ щедротъ многообильныя милости чаемъ. Се и письмо просительное отца нашего игумена Пафнутія и всей честной братіи. Обнищахомъ, госпоже, оскудѣхомъ; озлоблéни суще во обители нашей, гладу и хладу и всякой тѣснотѣ и угнетенію, нищетѣ же и нагохожденію предани бяше, къ тебѣ вопіемъ: о многомилости-

вая вдовица, Евпраксія! отверзи щедрую руку твою, благоволи отъ трудовъ своихъ праведныхъ подаяніе нѣкое нищенствующей братіи учинити, да узриши сыны сыновъ своихъ, и да сподобишися великія и богатыя милости отъ самого Царя небеснаго въ сей вѣкъ и въ будущій.

—«Садиться милости просимъ, честный отче» отвѣчаетъ Евпраксія Михайловна: — «Рада по силѣ-помощи. Чѣмъ васъ подчивать, отче? Кликните Гришу! Здоровъ ли, батюшка, отецъ Пафнутій?

—«Здравъ тѣлесне и въ душеспасительныхъ подвигахъ обрѣтается,» отвѣчалъ Мардарій, садясь.»

Оглядѣвшись, замѣтилъ отецъ Мардарій, что онъ въ моленной горницѣ. Передняя стѣна въ ней вся была уставлена древними, богато-украшенными иконами; подъ ними висѣли дорогія, пелены, парчевыя, бархатныя, шитыя золотомъ, низанныя жемчугомъ. Передъ иконами горѣли большія, ослопныя свѣчи и неугасимыя лампады.... На скамьяхъ сидѣли невѣстки Евпраксіи Михайловны, съ полдюжины канонницъ, а у притолоки бродячій старецъ отецъ Варлаамъ—дол-

говязый, парень лѣтъ тридцати-пяти, рыжій, съ прыгающими глазами и съ рѣдкою бородой, длиннымъ клинышкомъ. Мардарій поклонился Варлааму, тотъ ему «метанія» сотворилъ и сѣлъ на свое мѣсто.—Оба ни гугу; а сами другъ на дружку такъ зорко да бойко посматриваютъ, ровно узнаютъ другъ друга.

Закусочку подали. Изобильна была предлагаемая трапеза на утѣшеніе иноковъ: икра паюсная, да стерлядь вислая, вязига въ уксусѣ, да таранчукъ осетрій, грузди да рыжички, пироги да левашники, и ерофеичу графинчикъ, и винограднинькаго бутылочка.

—«Благословите, отцы честные,—откушайте», говоритъ гостепріимная вдовица.

—«Можно», отрывисто отвѣчаетъ Мардарій и, чинно положивъ три поклона, принимается за вязигу, а Варлаамъ и рыбнаго употреблять не дерзаетъ. «На сухояденіи обрѣтаюсь», говоритъ, «по обѣту пятый годъ». Опричь хлѣба да груздочковъ, ни къ чему и не приступилъ.

— Водочки-то, отцы честные, водочки-то откушать можно?

—«Не подобаетъ», такъ же отрывисто отвѣчаетъ Мардарій. А Варлаамъ даже повѣсть отъ Пандока разсказалъ о томъ, откуда взялось питіе хмѣльное и какъ оно человѣка отъ Бога отводитъ, къ бѣсомъ же на пагубу приводитъ.

Не нарадуется такимъ воздержнымъ и подвижнымъ гостямъ Евпраксія Михайловна. И она, и келейницы, и канонницы видимо прониклись чувствомъ высокаго къ нимъ уваженія, а у Гриши, что вошелъ въ горницу, по призыву хозяйки, и сталъ смиренно у притолоки, сердце такъ и распаляется радостію, что привелъ же его наконецъ Господь видѣть старцевъ такихъ благочестивыхъ, такихъ строгихъ, такихъ высокихъ подвижниковъ. Духъ въ молодомъ постникѣ такъ и занимается, и творитъ онъ мысленную молитву, благодаря Бога, что приходится ему послужить такимъ преподобнымъ старцамъ.

—Побесѣдуйте промежь себя, отцы честные, сказала, низко кланяясь Мардарію и Варлааму, Евпраксія Михайловна, когда они кончили трапезу:— просвѣтите насъ скудоумныхъ своей бесѣдой.

И велѣла канонницѣ кликнуть сыновей, что-бы

и они насладились отъ духовныя трапезы, отъ премудрой беседы строгоподвижныхъ старцевъ.

Пришли. Усѣлись всѣ. Глянули старцы другъ другу въ очи и, нахлобучивъ на самыя вѣки камилавки, опустивъ головы долу, повели благочестивую беседу.

— Рцы ми, брате, началъ Мардарій:—кто умре, а не истлѣ?

Мало помедливъ, отвѣчаетъ тихимъ голосомъ и таково истово, учительно, Варлаамъ:

— Лотова жена—та умре, а не истлѣ, понеже въ столбъ сланъ претворися—соль же не истлѣваетъ; и доднесь тотъ столбъ стоитъ во странѣ Палестинской, на святой рѣцѣ Іорданѣ.

И воздыхаетъ при варлаамовыхъ рѣчахъ Евпраксія Михайловна, охаютъ и слезы утираютъ матушки-келейницы, а Гриша всѣмъ умомъ дивится скорому и мудрому отвѣту честнаго старца Варлаама.

— Что есть, брате, продолжаетъ Мардарій:—ключъ древянъ, замо́къ воденъ, заяцъ убѣже, а ловецъ утопе?

— Ключъ древянъ—жезлъ моисеевъ, замо́къ

воденъ—Чермное море; заяцъ убѣже—то Моисей со израильтяны а ловецъ потопе — Фараонъ зломудрый, царь египетскій.

Подумалъ малое время Мардарій и снова вопросъ предложилъ:

— Что есть, брате,—стоитъ градъ на пути, а пути къ нему нѣту; идетъ посолъ нѣмъ, а несетъ грамоту неписанную?

— Градъ на пути—то ноевъ ковчегъ, понеже плаваше по непроходимому пути, сирѣчь по потопнымъ водамъ; посолъ нѣмъ— то есть голубица чистая, а грамота неписана — то есть сучецъ масличный, его же принесе въ ковчегъ голубица къ Ною на увѣреніе познанія, что есть суша; и Ной праведный, зря той сучецъ, съ сынами и дщерями, со скотами и со птицы и со всякимъ гадомъ, бывшимъ въ ковчегѣ, едиными усты и единымъ сердцемъ прославиша благодѣющаго Бога.

— А осмѣлюсь, батюшка отецъ Мардарій, спросить, —вмѣшалась сама хозяйка:—всякіе ли, скоты были у Ноя-то въ ковчегѣ?

— Всякіе, матушка Евпраксія Михайловна, всякіе были; одной только твари не было....

— Какой же это твари, батюшка?

— Рыбы! закричалъ во все горло Варлаамъ и схвативъ обѣими руками осетрій тавранчугъ, пошелъ уписывать его за обѣ щеки. Переглянулись всѣ, а отецъ Варлаамъ ужь и къ ерофеичу десницу простираетъ.

— Прорвало! сквозь зубы прошепталъ Мардарій и еще ниже опустилъ главу свою.

— Батюшка отецъ-Варлаамъ! съ ужасомъ вскочивъ съ лавки, закричала одна изъ канонницъ, еще мало видавшая на вѣку своемъ бродячихъ старцевъ и плакавшаяво умиленіи отъ медоточивыя бесѣды его:—Батюшка, не скверни себя! Не сквернись! Не подобаетъ!

— Не замай его, Матренушка,—тихонько замѣтила Евпраксія Михайловна, удерживая канонницу за рукавъ:—развѣ не видишь, мать моя?—Юродствуетъ...

А Гриша ногъ подъ собой не слышитъ. Не понимаетъ онъ, что вокругъ него дѣлается. И бесѣда такая мудрая, да и безобразіе немалое. «Что́ же это такое—думаетъ онъ: «прямымъ ли дѣломъ отецъ Варлаамъ юродствуетъ, или это врагъ рода чело-

вѣческаго лукавое мечтаніе очамъ моимъ представляетъ?»

Мардарій пришипился—ни гу-гу, только лѣстовку перебираетъ, а Варлаамъ стаканчикъ то на лобъ, да еще, да еще. И псальму запѣлъ:

«Прошу выслушать мой слогъ,
Что въ печали сложить могъ
Во темныхъ во лѣсахъ...

— Подтягивай, Мардарій!

— Провидѣцъ, провидѣцъ! зашептали матушки-келейницы:—Вѣдь съ роду отца Мардарія не видывалъ, а знаетъ честное имя его. Духъ прозорливый въ немъ есть, матушка.

Мардарій однакожь не подтягиваетъ; опустя голову, смотритъ онъ внизъ, да половицы считаетъ, а самъ все думаетъ: «экъ его прорвало!» А Гриша шепчетъ молитву на отогнаніе бѣсовскихъ мечтаній и думаетъ: «чего ради бысть знаменіе сіе?» А Варлаамъ заливается:—

«А вотъ наша вся отрада:
Хлѣбъ, вода—и вся награда—
Живи да не тужи...

— Да подтягивай Мардашка! Хвати стариной! А ты, раба Божія Евпраксія, водочки-то подлей!

— Винограндненькаго, батюшка, не соизволите ли? отвѣчаетъ Евпраксія Михайловна, наливая въ рюмку сантуринскаго.

— Не подобаетъ!.... Настойки давай!..... Мать твою какъ звать?

— Евдокіей, отче,—Евдокіей.

— Ладно, я ужо по ней канонъ за единоумершаго прочитаю.... Съ поклонами!... А ты водочки-то подлей. — Ну пой, Мардашка; подтягивай вы, красны дѣвицы, скитскія бѣлицы!... Валяй!

«Щи да кашу поставляютъ,
За велико почитаютъ—
Изрядной вотъ обѣдъ.
Пирожка кусокъ дадутъ,
То подумаешь и тутъ,
Какъ-то его съѣшь.

— Валяй, матери!... Катай канонницы!

И пѣвецъ сладкогласный, оглянуться не успѣли, какъ поѣлъ всѣ пироги и левашники.

«Вмѣсто водокъ, сладкихъ винъ —
Поставляютъ квасъ единъ:
И то за гостя чти.»

— Да подлей же ерофеичу-то, Михайловна!

«По обѣдѣ всѣ по кельямъ,
И какъ-будто отъ бездѣлья,
Правило несемъ.
Тогда съ горя и досады
Поискать пойдешь отрады—
Во деревню, за лѣсокъ.....»

— А на деревнѣ-то пташечки-сударушки живутъ! Вотъ этакія же красавицы, какъ и вы!

И пошелъ нашъ старецъ канонницъ хватать.

— Юродствуетъ, юродствуетъ! шепчутъ всѣ.

А Варлаамъ продолжаетъ свою душеспасительную пѣснь:

«Лишь пойдешь за монастырь,
Да возьмешь въ руки костыль,
Вслѣдъ уже бѣгутъ.
Какъ злодѣи набѣжали
И какъ вора сохватали,
Тутъ же цѣпію грозятъ.
Вина хотя не видалъ,
А игуменъ закричалъ:
«Протрезвить должно его.»

— А я ни капельки не пьянъ. Дьяволъ пьянъ, а инокъ не до́лжонъ быть пьянъ: это все дьяволъ.

«Приведутъ въ келью, запрутъ,
Ключъ игумну отдадутъ.
А ты тутъ хоть умри!
Сутки двое такъ томятъ,
Ничего не говорятъ,
Глядятъ, яко звѣрь!

Да съ этимъ словомъ какъ бро́сится честно́й старецъ въ присядку. И ну припѣвать иную псальму:

«Эй ты, калина-малина!
Валяй старцы на Бисериху!
А дѣвки да молодки
На Купалу на Ивана,
Да на самого болвана,
Эй, на Ярилу-молодца!
Ужь и я ли не Ярила?
Ужь и я ли не Гаврила?
Эй вы, голубки,
«Глядите-ка старцу сюда!

И цапъ-царапъ молодую невѣстку хозяйкину за рукава бѣломиткалевые..... Запустилъ десницу.

—Что̀ это за безобразіе? Господи!—закричала невѣстка, взятая изъ Москвы и еще не видав-

шая, не слыхавшая о такихъ подвигахъ старцевъ праведныхъ.

—Юродствуетъ, матушка, юродствуетъ! шепчутъ ей всѣ:—Это, значитъ, плодъ чрева твоего блаженный благословляетъ.

Спровадили наконецъ кое-какъ блаженнаго юрода въ Гришину келью. Но безъ грѣха дѣло не обошлось: дорогой на усадѣ трехъ работниковъ честной отецъ искровенилъ. Добравшись до мѣста, повалился онъ, не разоблачаясь, на пуховикъ и тотчасъ же захрапѣлъ во всю ивановскую.

Не разъ случалось Гришѣ видать безобразіе старцевъ, что ходили къ Евпраксіи Михайловнѣ; но такого безобразія и онъ еще не видывалъ. Когда, бывало, бродячіе, али и скитскіе старцы, ночью, въ келейной тиши, тихомолкомъ безчинствуютъ, онъ сваливалъ всю бѣду на діавола. «Извѣстно», думалъ онъ: «окаянный силенъ; онъ и горами качаетъ, а представить человѣку сонное мечтаніе, либо видѣніе неподобное—ему ни по чемъ.» Но сколько ни припоминалъ нашъ келейникъ всего читаннаго имъ—и въ «патерикахъ» и въ «прологахъ», и въ «книгѣ о старчествѣ», и

въ разныхъ «цвѣтникахъ» и «сборникахъ»,—нигдѣ не было такого примѣра, чтобы бѣсъ, вселясь въ инока, творилъ, при двадцати человѣкахъ, такія дѣла, какихъ въ это утро натворилъ отецъ Варлаамъ.—Развѣ что въ-самомъ-дѣлѣ юродствуетъ?—Объ юродахъ же Гриша читалъ и слыхалъ немало, а самому видѣть ихъ еще не доводилось. Видно, юродъ—отецъ Варлаамъ; иначе какъ же можно, чтобы иноку при всемъ мірскомъ народѣ, въ камилавкѣ, въ кафтырѣ, грибезовскимъ горломъ пѣсни пѣть, бѣсовски плясать и иныя многія непотребства чинить?

Но когда ночью Гриша услыхалъ бесѣду проспавшагося Варлаама съ оказавшимся стариннымъ его знакомцемъ-Мардаріемъ; когда изъ этой бесѣды узналъ онъ, что Варлаамъ за пьянство изъ десяти скитовъ выгнанъ, за разныя непотребныя дѣла пять разъ въ острогѣ, да въ рабочемъ домѣ сидѣлъ, и одинъ разъ своя же братья, раскольники, ему за безчинства на посидѣлкахъ бороду спалили,—то и смекнулъ нашъ Гриша, что варлаамово юродство на иную стать уложено.

«Что же это за старцы, что же это за стол-

пы нашей старой, правой вѣры?» размышлялъ долго послѣ того Гриша. «Гдѣ жь тѣ искусные старцы, которые бы меня, грѣшнаго, правиламъ пустынной жизни научили? Гдѣ же тѣ учительные люди, которые бы уму моему правую вѣру раскрыли?....Неужели,кромѣ меня, нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы истиннымъ подвигомъ отъ юности своей подвизался, и будучи боримъ діаволомъ и страстями, твердо устоялъ во всѣхъ прельщеніяхъ и не поругался бы святому своему обѣщанію?

Шире и шире разростались горделивыя думы въ распаленной головѣ Гриши, и скоро высокоуміе конечно обуяло его. Еще нѣсколько наблюденій за посѣщавшими его келійку странниками и перехожими богомольцами—и онъ уже сказалъ на молитвѣ:

«Господи! есть ли на землѣ человѣкъ праведенъ, паче меня!»

Рядомъ съ душевной гордыней расло въ немъ и сомнѣніе въ вѣрѣ.

Надо правду сказать, что немногіе, и даже очень немногіе русскіе раскольники, особенно въ настоящее время, совершенно ясно понимаютъ въ

чемъ состоитъ религіозное разномысліе ихъ съ членами господствующей церкви. «Держися книгъ филаретовскихъ да іосифовскихъ крестись въ два перста, молись съ лѣстовкой, новымъ иконамъ не покланяйся, бороды не брѣй, табаку не кури и не нюхай», — вотъ и все почти догматствованіе огромнаго большинства нашихъ раскольниковъ. А разномыслія разныхъ сектъ и начетчики раскольничьи теперь не совсѣмъ понимаютъ (*).

Но въ средѣ раскольниковъ, какъ и во всякой другой средѣ, есть фанатики. Они тщательно «испытываютъ вѣры», то есть разномыслія многочисленныхъ раскольническихъ толковъ. Твердо увѣренные, что только принадлежа къ истинной старой вѣрѣ, можно получить спасеніе и

(*) Расколъ—я не разумѣю подъ этимъ словомъ ни сектъ раціональныхъ (молокане, духоборцы, общіе и неправильно называемые жидовствующими), ни сектъ восторженныхъ, пророчествующихъ (хлысты, скопцы, шелапуты и т. п) — расколъ давно бы исчезъ на русской землѣ, еслибы три обстоятельства впродолженіи двухъ столѣтій его не поддерживали: *недостатокъ школъ* и вслѣдстіе того невѣжество народной массы, *преслѣдованія*, которыя воздвигаемы были на сектаторовъ, и *тайна*, въ которую старались обла-

нигдѣ не находя этой старой вѣры въ полной чистотѣ, они съ каждымъ днемъ дѣлаются болѣе и болѣе восторженными фанатиками, особенно если по какому-нибудь случаю подвергнутся преслѣдованію. Отъ такого фанатизма одинъ шагъ до страшной душевной болѣзни — mania religiosa, которая нерѣдко влечетъ даже на добровольное самосожженіе.

Гриша, окруженный разнаго рода перехожими богомольцами, съ ранней молодости наслушался отъ нихъ о нынѣшнихъ послѣднихъ временахъ, о томъ, что воцарился злой антихристъ и великое нечестіе по всей землѣ распространилось: стали люди бороды брити, латинскую одежду носити, чай, треклятую траву, пити, табачное зеліе курити, паспорты съ антихристовою печатью писати.

Чтó же дѣлать? Куда дѣваться отъ этого страш-

чить все дѣло. Передъ *гласностью*, *снисходительностью* и *просвѣщеніемъ* расколъ долго устоять не можетъ. Да и можетъ ли имѣть какую-нибудь будущность, можетъ ли разсчитывать на долголѣтіе убѣжденіе въ томъ, что только то и хорошо, что было на Руси двѣсти лѣтъ тому назадъ, и что развитіе общества, поступательный его ходъ впередъ, прогрессъ—есть ни что иное, какъ грѣховное шествіе темнымъ, но широкимъ путемъ-прямо въ пропасть геенны?

наго врага? Смотритъ Гриша въ книги, и находитъ, что отъ антихристовой злобы истинные рабы Христовы имутъ бѣжати въ горы и вертепы, хорониться въ пропасти земныя; а кто не побѣжитъ изъ многопрелестнаго міра, тотъ будетъ уловленъ антихристомъ въ бѣсовскія его сѣти и погибнетъ погибелью вѣчной..... И ключемъ кипѣла горячая кровь юнаго фанатика— только то и держалъ онъ на умѣ, какъ бы найти искуснаго старца, строгаго подвижника, жителя пустыни, чтобы съ нимъ бѣжать отъ антихристовой власти въ дебри лѣсныя. И въ то же время злобой распалялось сердце Гриши на всѣхъ, кого онъ считалъ антихристовыми слугами. Онъ взлелѣялъ въ душѣ своей извѣстное правило раскольничьихъ фанатиковъ: «съ табашникомъ, щепотникомъ и бритоусомъ и со всякимъ скобленымъ рыломъ не молись, не дружись, не бранись», и дошелъ до сознанія, что «никоніанина пришибить—семь пятницъ молока не хлебать». И врядъ-ли бы дрогнула рука двадцатилѣтняго Гриши, если бы выпалъ ему случай сотворить зло кому-нибудь изъ церковниковъ..... Евпракоія Ми-

хайловна, какъ и всѣ живущіе въ міру раскольники по рогожскому согласію, не имѣла и тѣни такой нетерпимости, не разъ журила онъ Гришу за вырывавшіяся у него подъ-часъ злобныя слова, но журьба доброй женщины не трогала его. Мрачно молчалъ онъ, слушая ея рѣчи, и душою болѣлъ за свою благодѣтельницу, что вотъ, дескать, и добра и милостива, а вдалась же въ грѣховную суету и совсѣмъ «обміршилась».

Глядя на безчинство и безобразіе въ своей келійкѣ странних старцевъ и переходжихъ богомольцевъ, Гриша ужь не думаетъ, что это бѣсы его смущаютъ; нѣтъ, гордыня совсѣмъ обуяла его. Уже безъ грусти, безъ истомы сердечной смотритъ, бывало, онъ въ щелочку изъ своей каморки, какъ честные отцы со штофами бесѣдуютъ, а иной разъ и курочкой жареной не брезгаютъ. Нѣтъ, безчинство старцевъ, ихъ разговоры о вещахъ непотребныхъ какъ-то, особымъ образомъ, радовали теперь нашего келейника. Досыта насмотрѣвшись на безчинныхъ, онъ становился на свои кремни и битое стекло босыми ногами, налагалъ на себя вериги и на-

чиналъ класть земные поклоны сотню за сотней. И на устахъ его была кичливая молитва о прощеніи согрѣшеній безчинныхъ старцевъ, а въ душѣ то-и-дѣло твердилъ тайный голосъ: «Господи! да есть ли же гдѣ-нибудь человѣкъ праведенъ, паче меня!»

Пересталъ Гриша выходить на рѣчку, пересталъ отъ зари до зари воспѣвать прекрасную мать-пустыню, про сладкія слезы позабылъ, что, бывало, незамѣтно для него текли изъ глазъ, по цѣлымъ часамъ устремленныхъ на чернѣющую вдали полосу лѣса.

За то сильнѣе мучилъ Гришу другой вопросъ. Многаго онъ начитался, многаго наслушался отъ привитавшихъ въ его кельѣ. Слыхалъ не разъ, какъ поповщинскіе раскольники промежь себя спорили насчетъ новаго священства; слыхалъ какъ поморцы хулятъ поповщину за поповъ, ѳедосѣевцы поморцевъ за браки, филипповцы ѳедосѣевцевъ за то, что не по уставу кладутъ поклоны, а сопѣлковскіе бѣгуны всѣхъ проклинаютъ, кто у себя въ домѣ живетъ. И всѣ-то они другъ друга еретиками обзываютъ, всѣ-то

чужому толку наносятъ укоры, всѣ то хвалятъ одну свою вѣру. И день и ночь сталъ размышлять Гриша: «Да гдѣ же правая вѣра, да гдѣ же истинное ученіе Христово?» И молился Гриша со многимъ воздыханіемъ, и даже со слезами, да пошлетъ Господь къ нему человѣка, который бы указалъ ему правую вѣру.

Однажды, позднимъ вечеромъ, раннею весною, звякнуло желѣзное кольцо калитки у дома Евпраксіи Михайловны, и тихимъ, слабымъ голосомъ проговорилъ кто-то молитву Іисусову за воротáми. Привратникъ отдалъ обычный «аминь» и отперъ калитку. Вошелъ древній старецъ высокаго роста. Преклонныя лѣта и долгое подвижничество сгорбили станъ его; пожелтѣвшіе волоса неровными, всклокоченными прядями висѣли изъ-подъ шапочки; на старцѣ была дырявая лопатинка, на ногахъ протоптанныя, корцовыя лапти; за плечами былъ невеликій пещуръ.

— Что тебѣ, дѣдушка? спросилъ привратникъ.

— Охъ, родименькой! зашамкалъ старикъ, задыхаясь и тяжело опускаясь на прикалитную

скамью: — указали мнѣ боголюбцы путь въ домъ сей ко благочестивой вдовицѣ, ко Евпраксіѣ Михайловнѣ.

Привратникъ, не впервые принимавшій странниковъ, впустилъ старца.

— Одинъ, что ли, старче, али еще кто есть? спросилъ онъ его.

— Одинъ, одинъ, родимый ты мой.

— Пойдемъ, старче.

И повелъ его въ домъ. Евпраксія Михайловна еще правило вечернее съ канонницами справляла. Велѣла старца въ моленную ввести.

—Миръ дому сему,—сказалъ онъ, уставно и истово помолясь предъ облитыми лампаднымъ свѣтомъ, сребропозлащенными иконами и кланяясь до земли хозяйкѣ.

—Садись-ка, старче Божій, обогрѣйся. Вишь у тебя лопатинка-то ветхая какая. А на дворѣ-то морозно, время погодливое. Сядь вотъ здѣсь, старче. Да велите, матери, кликнуть Гришу. Господь, молъ, гостя даровалъ. Сними пещуръ-то, старче; ишь какъ умаялся, Принесите-ка сюда горячаго кушанья, матери. Да топлена ли у

Гриши келійка-то? Что-то онъ пустошничать началъ, Христосъ съ нимъ. Да и старцы-то давно не привитали—третья недѣля. Не диво—непогодь такая, распутица. Сними-ка ты, старче Божій, пещуръ-то.

И не дожидаясь отвѣта, сама стала снимать со старца ношу, но коснувшись плечъ его отшатнулась и благоговѣйно прошептала молитву. Рука ея тронула плохо прикрытыя рубищемъ, вросшія въ тѣло старца—желѣзныя вериги.

Старецъ снялъ пещуръ. Евпраксія Михайловна, бережно, творя молитву, поставила его подъ образа.

Вошелъ Гриша. Полузамерзшій старецъ маленько поотдохнулъ въ жарко-натопленной моленной.

— Господа ради, сокрый меня, грѣшнаго, на малое время въ стѣнахъ твоихъ, боголюбивая матушка, проговорилъ онъ тихо.

— Рада всей душой, старче. А можно ли святое имя твое узнать?

— Грѣшный инокъ Досиѳей...

— Ахъ, батюшка, отецъ Досиѳей! Что же ты прежде не повѣдалъ намъ ангельскаго своего чина?

И творя «метанія» — какъ она, такъ и всѣ бывшія въ моленной, уставно кланялись старцу по дважды, приговаривая: «Прости, честный отче! благослови, честный отче!»

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, — отвѣчалъ Досиѳей. И самъ сотворилъ всѣмъ «метанія».

— Откуда грядешь, куда путь держишь? заговорила Евпраксія Михайловна, по совершеніи уставнаго обряда.

— Града настоящаго не имѣю, но грядущаго взыскую, — отвѣчалъ старецъ: — путь же душевный подобаетъ намъ, земнымъ, къ солнцу правды держати; аще тако Отецъ небесный устроитъ. Тѣлесный же путь кто исповѣсть?

«Бѣгунъ сопѣлковскій (*), думаетъ про себя

(*) *Сопѣлковскіе бѣгуны*, по моему мнѣнію, не составляютъ религіозной секты, хотя нѣкоторые писатели и называютъ ихъ особой сектой. Это нераскольники.-Это сборище людей, удалившихся отъ общества и подъ личиною религіозныхъ убѣжденій совершающихъ дѣла, не терпимыя ни въ какомъ благоустроенномъ обществѣ. Поддѣлка монеты, составленіе фальшивыхъ документовъ, воровство, конокрадство, грабежи — самыя обыкновенныя

Гриша, давно наметавшійся середи перехожихъ богомольцевъ и съ разу узнававшій мало что по рѣчамъ, но даже по самой одеждѣ, ихъ согласія.

— Праведны рѣчи твои, отче Досиѳей, праведны твои рѣчи,—набожно, полушопотомъ говорила Евпраксія Михайловна.

ихъ дѣянія. Между открытыми бѣгунами были люди съ клеймомъ палача на лбу или съ буквой Б. на рукѣ. Не знающіе раскола, или—что еще хуже—знающіе его только изъ печатныхъ книгъ—принимаютъ бѣгуновъ за *раскольниковъ* потому только, что у нихъ не сходятъ съ языка слова писанія; что они исполняютъ разные обряды и сдѣланныя ими преступленія усиливаются оправдать quasi религіозными убѣжденіями. Никакіе раскольники, равно никто изъ принадлежащихъ къ толкамъ раціоналистовъ (молокане, общіе и пр. т. п.) и къ сектамъ восторженниковъ (хлысты, скопцы, богомилы, наполеонисты и пр. т. п.) никогда не причисляли и не причисляютъ бѣгуновъ къ своимъ. Бѣгуны въ свою очередь гнушаются всѣми и проклинаютъ всѣхъ. Они большіе начетчики, большіе казуисты и большіе мастера возбуждать въ неофитахъ фанатизмъ и такое слѣпое повиновеніе, съ которымъ можетъ сравниться развѣ только повиновеніе ассасиновъ — старцу горы. — Досиѳей — не бѣгунъ, онъ раскольникъ. Типъ бѣгуна представленъ въ лицѣ Ардаліона.

Нѣсколько минутъ молчанія. Старецъ сидитъ, тяжело опустившись; движеніемъ губъ онъ творитъ молитву, а словъ не слышно. Радостнымъ ликомъ, свѣтлыми очами глядитъ на прихожаго трудника вдовица, и тайно творитъ молитву. Безмолвно сидятъ келейницы и канонницы, истово перебирая лѣстовки. Мѣрно чикаетъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, повѣшенныхъ у входа въ моленную.

— Въ пустынѣ жилъ я, матушка,—заговорилъ тихой рѣчью старецъ:—въ пустыни я жилъ неподалеку отсюда—въ лѣсахъ Поломскихъ. Не малое время провождалъ азъ, грѣшный, въ пустынѣ. Келійку своими руками построилъ, печку ради зимняго мраза, помышлялъ и жизнь тамо грѣшную покончить... А нынче—двѣ недѣли тому—на самое Сборное воскресенье попущеніе Божіе было. Отлучился азъ, грѣшный, ради тѣлесныя нужды, дровишекъ изъ буреломника набрать. Подхожу къ своей келійкѣ—только дымокъ отъ головешекъ мало-мало курится..... Сгорѣла!.. Немалое время жилъ я въ ней, матушка, сорокъ лѣтъ, и не было ко мнѣ ни ѣзду, ни хо-

ду; сорокъ лѣтъ людей почти не видалъ.... Сгорѣла!.. Привыкъ я къ келійкѣ, матушка, чаялъ и помереть въ ней, домовину выдолбилъ—думалъ лечь въ ней, въ келійкѣ она у меня стояла... Сгорѣла!.. Годы мои старые, матушка, годы большіе, а плоть немощна. Не снести мнѣ безъ келійки зимняго мразу—треба новую келійку поставить. Вотъ, слыша отъ боголюбцевъ про твои добродѣтели, прибрелъ я къ тебѣ, Евпраксія Михайловна,—дай мнѣ пережить до лѣта; не оставь меня, грѣшнаго, Христа ради. А лѣтомъ, Богу произволяющу, я бы опять побрелъ въ свою пустыньку, опять бы кельеночку поставилъ, домовинушку бы сдѣлалъ.... Не оставь Христа ради!

И дряхлый Досиѳей упалъ въ ноги Евпраксіи Михайловны. А она поднимаетъ его, сама земное поклоненіе творитъ, а слезами такъ и обливается.

— Слышала я,—говоритъ,— старче, слышала про ваше несчастіе. Пала и къ намъ вѣсть, что исправникъ самъ въ Поломскіе лѣса выѣзжалъ, чтобы старцевъ ловить да кельи жечь. Экой злорадный, прости Господи!

— Не кори его, Евпраксія Михайловна,—сказалъ на то Досиѳей.—Не моги корить.—Развѣ не знаешь завѣта: «твори волю пославшаго?»... А послушаніе паче поста и молитвы..... Не злорадство тутъ его, а воля Божія. Вѣдь безъ воли-то Господней и власъ съ главы человѣка не падаетъ. Да и то памятовать надо, что житіе дано намъ тѣсное и путь узкій, терніемъ, волчцами покрытый. Терпѣть надо, матушка; терпѣть надо, Евпраксія Михайловна: — въ терпѣніи надо стяжать свою душу. Слава Христу Царю небесному, что посѣтилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Вотъ что́!

— Праведны рѣчи твои, старче,—сказала Евпраксія Михайловна:—Правда во устахъ твоихъ; что́ про то и говорить! Да за что́ же это они на насъ такъ лютуютъ? Вѣдь и они во Христа вѣруютъ, и мы того же Христа исповѣдуемъ. За что́ же?

— На то есть смотрѣніе Господне. Стало-быть такъ надо. Не испытуй Сотворшаго!... строго замѣтилъ старецъ.

Досиѳея напоили, накормили; Гриша проводилъ его въ келійку.

— Богъ спасетъ, родименькій, Богъ спасетъ,— говорилъ старецъ на усердныя послуги Гриши, когда онъ, затепливъ передъ иконами лампадку, прибралъ къ мѣсту старцевъ пещуръ, закрылъ ставни, а потомъ съ обычными «метаніями» по чину простился и благословился.

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, отвѣчалъ Досиѳей... Охъ ты, мой любезненькой! Спасибо тебѣ.... Поди-ка а ты, малецъ, поди, рабъ Божій, успокойся.

Ушелъ Гриша за печку-голанку въ свою каморку.—И тотчасъ къ щелкѣ.

И видитъ онъ: старецъ, оставшись въ манатейкѣ и келейной камилавкѣ, хотя и былъ истомленъ труднымъ путемъ и непогодой, становился на великое правило ночное и сталъ читать положенныя по уставу молитвы. Часъ идетъ времени, другой, третій.—Гришу сонъ сталъ клонить, а старецъ всё молится.—Заснулъ нашъ келейникъ, проснулся, къ щелкѣ тотчасъ,—смотритъ, а старецъ все-еще на правилѣ стоитъ.

Досиѳей дожилъ у Евпраксіи Михайловны въ келійкѣ до той поры, какъ рѣки спали

и можно стало лѣсомъ ходить. Онъ никуда не выходилъ и, кромѣ Евпраксіи Михайловны да сыновей ея, никого и не пускалъ къ себѣ. Не только въ Колгуевѣ, да и на усадѣ у Гусятниковыхъ мало кто и зналъ о прохожемъ старцѣ.—Гриша былъ при немъ безотлучно.

Не видалъ еще онъ такихъ старцевъ,—и смирилъ въ себѣ гордыню, увидѣвъ, что Досиѳей не въ примѣръ строже его всѣ правила исполняетъ, съ молитвы почти не сходитъ, ѣстъ по сухарику въ день, а когда сномъ подкрѣпляетъ древнее свое тѣло—только одинъ Господь вѣдаетъ.

Собрался Досиѳей въ путь-дорогу. Евпраксія Михайловна денегъ давала — не беретъ; свиту новую, сапоги предлагала, — ничего не беретъ; взялъ только ладану горсточку, да пятокъ восковыхъ свѣчь. Ночью, передъ отходомъ старца, Гриша сѣлъ при ногахъ его и просилъ поучить его словомъ. Въ шесть недѣль, проведенныхъ Досиѳеемъ въ кельѣ, не удалось Гришѣ выбрать часочка для бесѣды съ нимъ. То́ на правилѣ старецъ стоитъ, то́ «умную молитву» творитъ, то́ въ безмолвіи обрѣтается.

— Скажи мнѣ, отче—повѣдай рабу твоему, въ какой пустынѣ спасалъ ты свою душу; гдѣ ты, отче, подвигомъ добрымъ подвизался? И меня влечетъ въ пустыню, и меня влечетъ безмолвное житіе... Повѣдай же, отче, гдѣ такова пустыня?

— Нѣтъ моей красной пустыни!... Нѣтъ ея больше!... съ грустью отвѣчалъ старецъ:—Келійка моя сгорѣла и домовинушка сгорѣла... Пришелъ, анъ только однѣ головешки.....

— Слышалъ, отче, слышалъ такое твое озлобленіе... Ироды! пилаты!

— Кто ироды, гдѣ пилаты?—сказалъ строго, вставая съ лавки и выпрямляясь во весь ростъ, Досиѳей.

— А лиходѣи-то твои! Никоніане-то! Укажи мнѣ ихъ, отче, укажи мнѣ твоихъ злодѣевъ — я зубами черева изъ нихъ повытаскаю.

— А во Христа ты вѣруешь?—спросилъ Гришу старецъ, пристально и строго глядя на него.

— Вѣрую, отче святой—по старинному вѣрую.

И перекрестился истово двуперстнымъ крестомъ.

— А слыхалъ ли ты, друже, какъ Христосъ-то на лобномъ мѣстѣ, на крестѣ за жидовъ молился?

— Читалъ, отче... Господь грамотѣ меня сподобилъ: самъ читалъ про это.

— А читалъ ли ты, что́ онъ отъ нихъ вытерпѣлъ: и заушенія, и заплеванія, и по ланитамъ біенія, и смерть крестную. А не было за нимъ ни единаго грѣха. А все-таки за мучителей своихъ молился... А намъ-то что́ повелѣлъ онъ творить? Самую-то главную заповѣдь какую онъ намъ далъ?.... Читалъ ли?....Любить враговъ повелѣлъ... Читалъ ли ты объ этомъ?

— Читалъ, отче.

— А читалъ ли, что всякая кровь на человѣкѣ взыщется?

— Читалъ. Да вѣдь ихъ не грѣхъ. Вѣдь они еретики, враги Божіи.

— Они люди, Гриша! А всякъ человѣкъ кровью Христовой искупленъ, и кто проливаетъ кровь человѣка, тотъ Христову кровь проливаетъ и съ богоубійцами жидами равную часть пріемлетъ.

Гриша быстро подскочилъ къ старцу. Смиренія въ немъ ужь какъ и не бывало. Глаза фанатика горѣли, кулаки были стиснуты.

— Да ты какого согласу, батюшка, самъ-то будешь? спросилъ онъ Досиѳея нахальнымъ тономъ.

— Христіанинъ.

— Да нѣтъ, братъ, ты хвостомъ-то не виляй; не отлынивай! Ужь не напоганилъ ли ты у меня своимъ духомъ келійку-то? Ужь самъ-то ты не по никоновой ли тропѣ гуляешь?

— Держуся книгъ филаретовскихъ и іосифовскихъ.....

— Такъ какъ же ты это говоришь, что никоніанинъ такой же человѣкъ, какъ и мы, крещенные старымъ крещеніемъ? По-твоему, чего добраго, и въ пищѣ и въ питіи съ еретиками общеніе можно имѣть?

— Можно, Гришенька,—да мало того, что можно,—и должно.

— Да ты въ своемъ ли умѣ, старина?

— Да, должно. Знай, что всякіе споры о вѣрѣ—грѣхи передъ Господомъ. Всѣ мы братья,

всѣ единаго Христа исповѣдуемъ. А помнишь ли, что Господь-то, ходивши по землѣ, и съ мытарями ѣлъ и съ язычниками общеніе имѣлъ—никого не гнушался? Какъ же мы-то дерзаемъ гнушаться? Святѣе, что ли, мы его?

— Да вѣдь они въ три перста, щепотью молятся.

— А сколькими перстами велѣлъ Господь самарянынѣ у кладезя молиться? Это ты читалъ, что надо кланяться духомъ и истиною? А два ли, три ли перста сложишь—это ужь послѣднее дѣло...

— Уйди, уйди отъ меня, окаянный! закричалъ отскакивая отъ старца, Гриша:—Исчезни!

«Это бѣсъ лукавый; это черный эѳіопъ пришелъ во образѣ старца меня смущати», подумалъ Гриша и, по́-часту ограждая себя крестнымъ знаменіемъ, громко началъ творить молитву на отгнаніе злаго духа:

«Запрещаю тебѣ, вселукавый ду́ше, діаволе, не блазни мя мерзкими и лукавыми твоими мечтаніями, отступи отъ меня и отыди отъ меня, проклятая сила непріязни; отыди въ мѣсто пусто,

въ мѣсто безплодно, въ мѣсто бесводно, идѣ же огнь и жупелъ, и червь неусыпающій»...

А старецъ въ ноги упалъ Гришѣ и, слезами обливаясь, молитъ его придти въ себя, не убивать души своей человѣконенавидѣніемъ. Долго молилъ его, наконецъ всталъ, и въ путь грядущій положилъ семипоклонный началъ.

— Да просвѣтитъ твой умъ и очиститъ сердце твое любовію самъ Господь, сказалъ онъ заклинающему бѣсовъ келейнику и тихо вышелъ.

Гриша былъ самъ не въ себѣ. Твердо убѣжденный, что цѣлыя шесть недѣль онъ провелъ съ бѣсомъ,—не одной молитвой старался онъ очистить себя отъ невольнаго оскверненія: налагалъ на себя вериги съ твердымъ намѣреніемъ не скидать ихъ уже до смерти, ложился голымъ тѣломъ на кремни и битыя стекла, и цѣлый день крохи хлѣба въ ротъ не бралъ; обрекая себя на самый строгій, безъядный постъ на столько дней и ночей, сколько пробылъ онъ вмѣстѣ съ Досиѳеемъ. И цѣлый день и весь вечеръ все ему чудились различныя мечтанія: и бѣсовскіе звуки, и топоты ножные, и скаканія, и свистъ, и голкъ, и кличи

страшные, и грёзы нелѣпыя, и нѣкія гудѣнія свирѣли, волынки, бубна. И чѣмъ больше склонялся день къ вечеру, чѣмъ темнѣй становились сумерки, все громче-и-громче слышались Гришѣ бѣсовскіе звуки. Вотъ и молодой мѣсяцъ блеснулъ въ небѣ золотымъ краемъ, и звѣздочки вспыхнули на востокѣ, и блѣднѣетъ заря вечерняя, и стихъ людской шумъ, и настала тихая, благоуханная майская ночь, а Гриша все борется съ невидимымъ діаволомъ, все читаетъ молитвы. И слышитъ онъ, что издали, съ рѣчки, изъ-за недавно зазеленѣвшихъ ракитъ несутся звуки волынки, гудка, новорощенной свирѣли и громкой пѣсни семика:

«Покумимся, кума, покумимся,
Мы семицкою березкой покумимся.
Ой Дидъ-Ладо! честному семику,
Ой Дидъ-Ладо! березкѣ моей,
Еще кумушкѣ, да голубушкѣ: —
Покумимся!
Покумимся!
Не сваряся, не браняся!
Ой Дидъ-Ладо! березка моя!»

— Иждену же я тебя, духъ проклятый! Иду брань сотворить со діаволомъ! воскликнулъ Гриша, и быстро выбѣжавъ изъ кельи, отправился скорымъ бѣгомъ на всполье.

И видитъ: многое множество красныхъ дѣвицъ поетъ и пляшетъ у ракитъ надрѣчныхъ. Всѣ въ бѣломъ, у всѣхъ на головахъ вѣнки, у всѣхъ въ рукахъ березовые вѣтки. Подъ ракитами одаль сидятъ молодые парни — кто съ сурной, кто съ волынкой, кто съ новорощенной свирѣлью. Въ полночный, дѣвичій семиковый хороводъ имъ мѣшаться не слѣдъ... И слышитъ Гриша ясные веселые голоса̀ живаго семиковскаго хоровода:

Въ Арзамасъ, въ Арзамасъ — на украсъ
Сходилися молодушки въ единъ кругъ,
Они думали крѣпку думу за-едино:
Ужь мы сложимтесь, молодки, по алтыну,
Мы пойдемте къ арзамасскому воеводѣ.
«Охъ, ты, батюшка нашъ, арзамасскій воевода!
Ты прими, сударь, пожалуйста, не ломайся,
Дай намъ волю, дай намъ волю надъ мужьями!»

Бодро, твердымъ шагомъ идетъ съ поднятымъ вверхъ двуперстнымъ крестомъ Гриша,

идетъ на борьбу съ бѣсовскою силой и громко, истово читаетъ заклятія:

— Запрещаю вамъ, стихійныя силы и всякія порожденія діавола. Заклинаю васъ страшнымъ и престрашнымъ и неприступнымъ...

А семиковскій хороводъ громче:

«Какъ возговоритъ арзамасскій воевода:
«Вотъ вамъ воля, вотъ вамъ воля надъ мужьями
Вотъ вамъ воля, вотъ вамъ воля на недѣлю»,..
Что за воля, что за воля на недѣлю?
Все едино, все едино, что неволя.»

— Исчезни и отыди въ злосмрадный огнь геенскій, князь бѣсовскій со аггелы своими! въ мѣсто пусто, въ мѣсто безводно, въ мѣсто безплодно! заклинаетъ нашъ постникъ.

А у ракитъ игра своимъ чередомъ идетъ. Тамъ другую пѣсню запѣваютъ:

«Дай намъ шильцо да мыльцо,
Бѣлое бѣлильцо
Да зеркальцо,
Копейку да денежку —
За красную дѣвушку!
Ой, Диди Ладо!
Семика честнаго яичницу!»

— Запрещаю тебѣ, вселукавый душе, проклятый сатано!.. говоритъ Гриша, приближаясь къ полку бѣсовскому.

Но завидя его, дѣвицы встрепенулись, съ гикомъ, съ гамомъ запѣли старую пѣсню:

«Монашекъ, монашекъ,
Купи намъ калачикъ!
Мы тебя, монашекъ, поцалуемъ,
Подъ ракитовымъ кусточкомъ побалуемъ.»

И вереницей бросились на Гришу. И ну его цаловать, миловать, къ сердцу прижимать; а онъ, все-таки видя въ нихъ не дѣвъ благочестивыхъ, но преисподнихъ бѣсовъ, знай свое читаетъ, посылая ихъ «въ мѣсто пусто, мѣсто безводно, мѣсто безплодно»...

И какъ это случилось—не знаю, но нѣкій отъ черныхъ эѳіопъ, во образѣ полной жизни и огня, высокогрудой Дуняши, смутилъ строгаго постника, строгаго молчальника, строгаго веригоносителя, который такъ недавно съ полнымъ сознаніемъ говорилъ на молитвѣ: «Господи, есть ли на землѣ человѣкъ праведенъ, паче меня!»...

И сотвори ему бѣсъ, во образѣ Дуни, пакость велію............

. . . .

. . . .

Встало солнце. Цѣлый день Гриша отплевывался, вспоминая блудную ночь. Хочетъ молитву читать, но бѣсъ, во образѣ Дуни, такъ и лѣзетъ ему въ глаза. Все-то ему мерещится—то ракитовый кусточекъ надъ сонной рѣчкой, то бѣлоснѣжная грудь, едва прикрытая миткалевой сорочкой.

Только на третій день пришелъ въ себя Гриша. И залился онъ горячими слезами. «Погубилъ я все свое житіе подвижное. И кчему же былъ этотъ постъ, эти вериги, эти кремни, стекло битое? Не спасли они меня отъ искушенія, не избавили отъ паденія... Загубилъ я свою душу праведную на вѣки вѣкомъ....»

Какъ разъ на другой вечеръ послѣ того, какъ бѣсъ, во образѣ Дуняши, сотворилъ нашему келейнику пакость велію, попросился на ночлегъ къ Евпраксіи Михайловнѣ такой старецъ, какихъ Гриша еще и не видывалъ. Это былъ сухой, сѣденькій, не высокаго роста старичокъ, съ жи-

выми, черными, какъ уголь горящими глазами. Одѣтъ онъ былъ въ плотно-застегнутое на мѣдныя, шарообразныя, невеликія пуговки, суконное полукафтанье, съ малыми борами назади. Рѣденькая бородка была тщательно у него разчесана; недлинные, гладко примазанные волосы спускались съ головы небольшими, кудрявыми, серебристыми локонами. Поступь такая тихая, такая степенная, такая осторожная—ни дать, ни взять кошачья. Старецъ былъ такой чистенькій, такой гладенькій, рѣчь его была такая томная, такая сладостная, вкрадчивая. Былъ еще не старъ, а звалъ себя грѣшнымъ Ардаліономъ.

Дня три прожилъ Ардаліонъ у Евпраксіи Михайловны, и не было еще въ келійкѣ перехожаго старца, который бы такъ пришелся по̀ сердцу Гришѣ, какъ этотъ постникъ и молчальникъ. Хоть, по словамъ его, и держалъ онъ странствіе только по людямъ, что сами во всемъ старинки придерживаются, все же таки онъ ѣлъ, пилъ изъ своей посудины; воды, бывало изъ общей кадкине попьетъ, самъ сходитъ на рѣчку, самъ почерпнетъ водицы въ свой берестяный туесокъ. И къ

вариву, что принесетъ, бывало, Гриша съ поварни Евпраксіи Михайловны, пальцемъ не коснется, окомъ не взглянетъ, пока не очиститъ брашна молитвой, не положитъ трехъ сотъ земныхъ поклоновъ: столь доброопасную строгость въ общеніи съ малознаемыми людьми имѣлъ.—Сперва все допытывался онъ у Гриши объ Евпраксіи Михайловнѣ, да не про то, какъ душу спасаетъ, какого держится толку и изъ какихъ старцевъ у нея отецъ духовный, а про то больше, въ какомъ она капиталѣ и каковы ея дѣла по торговлѣ, и воротились ли сыновья изъ Москвы, и за наличныя ли деньги товаръ продали.—А все, какъ будто стороной, да мимоходомъ. Говоритъ ему Гриша, что̀ знаетъ, что̀ слыхалъ ненарокомъ; а отецъ Ардаліонъ таково тяжко вздыхаетъ: «Охъ, суета, суета! говоритъ, какъ-то за эту суету на страшномъ Христовомъ судищѣ отвѣтъ давать? Вѣдь всякимъ людямъ, чадо, уготована часть въ царствіи небесномъ; внидутъ въ селенія праведныя и тати, и разбойники, и блудники, и сластолюбцы, аще добрымъ покаяніемъ, постомъ и молитвою очистятъ грѣхи свои; только не внидутъ въ

царствіе Божіе еретикъ да богатый. Имъ нѣтъ части въ славѣ Божіей».

А ночью Ардаліонъ съ правила не сходитъ— лѣстовокъ сто и больше простоитъ.

По душѣ пришелся этотъ старецъ Гришѣ: такой онъ строгій, такой суровый, а проклятія на впадшихъ въ мірскую суету, на невозлюбившихъ тѣснаго пути подвижничества, такъ и льются потокомъ изъ устъ его. На третью ночь, когда уже все стихло, и Ардаліонъ, поставивъ въ особомъ углу свои мѣдные образа,—чужимъ иконамъ онъ не поклонялся, а только своимъ,—собирался стать на правило,—робко, дрожа всѣмъ тѣломъ подошелъ къ нему Гриша. Кладетъ онъ передъ старцемъ уставныя «метанія», припадаетъ къ ногамъ его.

— Жаждетъ душа моя, говоритъ: — жаждетъ учительнаго словеси твоего, отче святый, стремится къ тебѣ духъ мой..... Не отвергни меня грѣшнаго!

—Чего же хочешь ты, чадо, отъ меня неискуснаго? спрашиваетъ тихо Ардаліонъ, сидя на скамьѣ.

—Дай мнѣ часть въ молитвахъ твоихъ праведныхъ, дозволь мнѣ съ тобою стать на правило...

А потомъ учи меня, я готовъ до смерти моей служить тебѣ и поучаться отъ тебя.

—Добръ изволъ твой, чадо. Добръ твой изволъ. Но на общеніе въ молитвѣ съ тобою держать не могу.

— Отче святый, — я правой вѣры, я старой вѣры — никоей ереси во мнѣ нѣтъ. Я великій грѣшникъ предъ Господомъ, но ни еретикомъ, ни идоложерцомъ не былъ.

И слезы градомъ катились по щекамъ восторженнаго Гриши.

— Въ нынѣшнія, послѣднія времена, тихой, вкрадчивой рѣчью заговорилъ Ардаліонъ:—міръ преисполненъ ересей..... Благодать давно взята на небо, и стадо избранныхъ, вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ день-ото-дня малѣетъ. Да, чадо, вселенная стала пуста, нѣтъ истиннаго благочестія, и темный облакъ злолютыхъ ересей покрылъ мракомъ землю. Пустилъ по людямъ многопрелестную власть свою врагъ—діаволъ. Все осквернено имъ—и грады, и сёла, и домы, и стогны—вездѣ смрадъ его дышетъ. И какъ волки въ овчіихъ одеждахъ, многіе служители его являют-

ся, и зовутъ себя: «я правой вѣры, я старой вѣры». Всѣ нарицаются старообрядцы—и тѣ, что зовутся поповщиной, а вѣра ихъ пестра, и тѣ, что поморцами прозваны, ѳедосѣевцами, и филиповцами; но всѣ они одного ехиднаго порожденія. Крещеніе ихъ нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе—и всякъ, кто имѣетъ какую часть съ ними—еретикъ и отъ Бога отверженъ. Какую бы строгую подвижническую жизнь ни проводилъ онъ въ трудахъ неусыпныхъ, въ постѣ, въ молитвѣ, въ милостыни, въ нищелюбіи и страннолюбіи—всуе трудится. На челѣ и на деснѣй рукѣ его печать антихриста, и онъ уготованъ діаволу и аггеламъ его,—того ради, что онъ еретикъ.

— Но гдѣ же правая вѣра, отче? Научи меня, выведи меня на прямую дорогу.

— Вѣра истинная тамъ—въ пещерахъ, въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ. Все теперь растлѣно прелестью антихриста,—и земля, на тридцать саженъ оскверненная нечестіемъ людей, вопіетъ къ Богу, прося попалить ее огнемъ и очистить отъ всякія скверны человѣческой. Кто ищетъ спасенія, тотъ долженъ

оставить все—отца, мать, родныхъ, друзей, отъ всего отрещись и бѣжать въ пустыню. И не слѣдуетъ жить подъ одной кровлей—твоя ли она, чужая ли, все-равно—бѣги, бѣги и странствуй по земли, дондеже воззоветъ тебя Господь. Имѣть свой кровъ—незамолимый грѣхъ, не избудешь его никакими молитвами, никакими поклонами, никакимъ дѣломъ душевнаго спасенія Будь какъ птица небесная, и вся вселенная будетъ твоя.... Бѣги и брань твори со антихристомъ.

— Но гдѣ же онъ, отче, скажи мнѣ...

— Брань со антихристомъ—противленіе его заповѣдяхъ. И прехвальнѣе того подвига нѣтъ и спасительнѣе для души нѣтъ ничего.

— Отче, я готовъ, порывисто сказалъ Гриша вставая на ноги.

Онъ все-еще лежалъ до тѣхъ поръ у ногъ Ардаліона.

И потомъ восторженное лицо его вдругъ омрачилось. Снова припалъ онъ къ стопамъ Ардаліона и, обливаясь слезами, заглушая слова рыданіями, проговорилъ:

— Недостоинъ я, отче святый, недостоинъ та-

кой благодати. Отъ юности моей бороли мя страсти, не устоялъ я, окаянный, супротивъ сѣтей діавольскихъ: осквернилъ я, грѣшный, тѣло свое и душу свою.—Палъ я, отче святый...

— Что такое? что такое? Повѣдай мнѣ, чадо, безъ всякой утайки,—какъ отцу духовному повѣдай.

И разсказалъ ему Гриша повѣсть дней своихъ отъ самаго того дня, когда взятъ онъ былъ въ богоданную келійку Евпраксіи Михайловны, какъ онъ думалъ подвигомъ молитвы и изможденія плоти спасти свою душу, какъ боролся съ нимъ діаволъ, и все, все разсказалъ до самой той ночи, какъ на праздникѣ семика онъ, въ умѣ или не въ умѣ, соблазненъ былъ нѣкимъ отъ Еѳіопъ.....

— Встань, чадо,—отвѣчаетъ на его слезы и рыданія Ардаліонъ.—Это не грѣхъ, но только паденіе. И велико твое паденіе, но всякъ грѣхъ—кромѣ еретичества — таково оплаканный, не только прощается, но чрезъ покаяніе еще возвышаетъ душу павшаго. Есть грѣхи тѣлесные горше того, и тѣ слезами никогда не очищаются.—Таковъ бракъ..... Вотъ это грѣхъ, смертный

грѣхъ, потому что въ бракѣ человѣкъ каждый день падаетъ и не кается, но еще грѣхъ свой вмѣняетъ себѣ въ правду. Это грѣхъ незамолимый—онъ прямо ведетъ во тьму кромѣшную!.. А кто падетъ, какъ ты палъ, и покается—чистъ отъ грѣха. Хочешь ли очиститься отъ всякія скверны?

— О! хочу, отче святый! Но какъ?...Научи, наставь меня!

— Ты долженъ креститься въ правую вѣру и имя другое принять, и всѣ паспорты и всякія бумаги откинуть, потому-что на нихъ печать антихриста. И податей отнюдь не долженъ платить:—то идолослуженіе врагу-антихристу. И ни къ какому обществу не приписываться:—то вступленіе въ сонмище антихриста и сѣденіе на сѣдалищахъ губителей. И если спросятъ тебя: кто ты и отъ коего града? отвѣтствуй: «града настоящаго не имѣю, а грядущаго взыскую». И твори брань со антихристомъ...... А если и повлекутъ тебя на судилище—молчи, претерпи раны и поношенія, претерпи темничное заключеніе, самую смерть, но ни единаго слова отвѣтствовать на судѣ не моги, и тѣмъ крѣпкую

брань твори со антихристомъ. То помни, что первые мученики съ людьми препиралися—и какіе свѣтлые вѣнцы получили; а ты со антихристомъ, сирѣчь съ самимъ діаволомъ, боротися имешь, и аще постраждешь доблественно, паче всѣхъ мученикъ вѣнецъ получишь и начальнѣйшимъ надъ ними будешь, понеже не съ простымъ человѣкомъ, а съ самимъ діаволомъ побіешися... Хощеши ли креститься въ правую вѣру?

—Хочу, отче святый, хочу.....

—А знаешь ли, чадо—какимъ узкимъ, какимъ труднымъ путемъ, волчцами и терніемъ покрытымъ, входятъ избранники въ сію область спасенія? Вѣдаешь ли, чадо, какимъ подвигомъ ищущіе правой вѣры достигаютъ свѣтлаго собора вѣрныхъ, ихъ же имена написаны въ книгѣ животной?... О, сколь труденъ подвигъ, чадо! О сколь неудобоносимо иго то!

—Повѣдай же мнѣ про тотъ подвигъ, отче! Я готовъ....

—Ни постъ, ни вериги, ни иные твои подвиги, ими же добрѣ подвизался еси въ жизни твоей, не спасутъ тебя, чадо, не введутъ во

область спасенія, куда столь жадно стремится душа твоя..... Всуе трудился!.... Ни во что примѣнились молитвы твои, и деннонощныя стоянія на правилѣ, и постъ, и воздержаніе, и отъ людей ненавидѣніе..... Всуе трудился еси!... А сколь свѣтлы селенія земныхъ ангеловъ, праведниковъ во плоти, какія неизреченныя радости въ избранномъ соборѣ!... И я знаю путь къ тому собору, и я могу указать путь оный!.....

— О, скажи, скажи мнѣ, отче, путь тотъ, въ онь же пойду!... дрожа всѣмъ тѣломъ и лобзая ноги Ардаліона, съ изступленнымъ жаромъ говоритъ Гриша.—Тѣло мое отдамъ на раздробленіе, лишь бы узнать путь тотъ, лишь бы войдти хоть на часъ единъ въ тѣ райскія свѣтлицы земныхъ ангеловъ!.... Что мнѣ нужно, отче, дабы спастися?

— Смиреніе и послушаніе!.... Слышишь ли?—послушаніе!

— Я готовъ, отче, тебѣ и всѣмъ въ правой вѣрѣ обрѣтающимся всякое оказывать послушаніе....

— Не простое то послушаніе, чадо, то совершенное отсѣченіе воли своей, то совершенная смерть всякаго помысла и всякаго пожеланія: ты долженъ дѣлать только то, что̀ тебѣ велятъ, своей же воли не имѣть.... Можешь ли ты взять на себя такое иго?

— Могу, отче!

— Иго неудобоносимо, другъ, тяжелѣ того подвига нѣтъ на землѣ и не бывало.... Въ правду ли ты можешь снести его?.... Вѣдь ты долженъ творить всякую, всякую волю отца своего наставника, не разсуждая, но вѣруя, что всякое велѣніе его — есть даръ совершенъ и свыше сходяй.. Что̀ бы ни повелѣлъ тебѣ наставникъ—все твори... И хотя бы непросвѣщенному еще уму твоему и показалось велѣніе то соблазномъ, хотя бы лукавый духъ гордыни, въ сердцѣ твоемъ гнѣздящійся, и сказалъ тебѣ, что дѣяніе повелѣнное — грѣховно и богопро̀тивно — не внимай глаголу лестчу—твори повѣленіе.... Твори безъ думы, безъ разсужденія и только то помни, что буее Божіе — премудрость человѣкомъ есть.

— Какъ же это, отче? спросилъ слегка поколебавшійся фанатикъ.... А если, примѣромъ сказать, — ты повелишь въ пятницу молоко хлѣбать?

— Хлѣбай безъ разсужденія!..... Мало того— велѣлъ бы я тебѣ человѣка убить — твори волю пославшаго тя.....

— Еретика убить!...... О!..... Готовъ, отче!... Не оскверню рукъ, но паче омыю ихъ тою окаянною кровію отъ прелести антихриста! Какъ Илія пророкъ жрецовъ вааловыхъ — перепластаю еретиковъ, сколько велишь!

— Не одного еретика, врага Божія.... Велѣлъ бы я тебѣ, послушанія ради, — самому въ срубѣ сгорѣть, гладомъ смерть пріяти, засыпать себя рудожелтыми песками, или въ пучину морскую кинуться: твори волю пославшаго.—И если хотя одинъ помыслъ грѣховнаго сомнѣнія, хотя одна мысль сожалѣнія омрачитъ въ тотъ часъ душу твою—всуе трудился еси—уготованъ ты антихристу и аггеломъ его....

Гриша вздрогнулъ.

— Можешь ли идти путемъ вѣрныхъ? Хочешь ли, чтобы имя твое вписано было въ книгу животную?

— О, хочу, хочу!

— Пляши и пой пѣсню бѣсовскую! сказалъ Ардаліонъ, быстро вставая и дѣлая повелительное движеніе рукой.

Гришу какъ варомъ обдало. Отпрянулъ онъ отъ Ардаліона на другой конецъ келійки; ужасъ покрылъ лице его... Поднявъ руку съ крестнымъ знаменіемъ, задыхаясь отъ внутренняго волненія, онъ сталъ говорить:

— Заклинаю тебя Господомъ Богомъ живымъ—отыди отъ меня въ мѣсто пусто, въ мѣсто безводно......

—О, маловѣръ!—садясь на лавку и съ укоромъ покачивая головой, говорилъ между-тѣмъ Ардаліонъ:—о несмысленный галатъ! Гдѣ же твое послушаніе? Гдѣ же отсѣченіе воли? Гдѣ отриновеніе помысловъ гордыни?... Нѣтъ, другъ, неудобоносимо для тебя иго, его же хотѣлъ подъяти праздным и раздвоеннымъ умомъ твоимъ. Сего малаго испытанія не могъ ты выдержать—внялъ

глаголу духа лестча и лукава.... Всуе трудился еси!.... Нѣтъ тебѣ части въ свѣтломъ сонмѣ избранныхъ—влачи жизнь твою въ сѣтяхъ антихриста! Погибай погибелью вѣчною тамъ, гдѣ смола кипящая, огнь неугасающій и червь неусыпающій.... Не говорилъ ли я тебѣ, что долженъ ты творить всякую волю своего отца-наставника, не смущаться духомъ, паче же вѣровать, что буее Божіе—премудрость человѣкомъ есть?.... Прощай!... Что мнѣ и тебѣ?.... Кое общеніе свѣту ко тмѣ!.... Маловѣръ несмысленный?.... Не быть тебѣ на горахъ Кирилловыхъ...

— Гдѣ?

— На горахъ Кириловыхъ, что у Малаго Китежа (*), стоятъ надъ Волгой-рѣкой, рядомъ съ горой Оползень...... Когда по Волгѣ-рѣкѣ плыветъ сплавная росшива мимо горъ Кирилловыхъ и на той росшивѣ все люди благочестивые,— Кирилловы горы разступаются, какъ врата великія разверзаются, и выходятъ оттуда старцы лѣпообразные, единъ по единому. Процвѣли тѣ

(*) Городецъ на Волгѣ—Нижегородской губерніи, Балахонскаго уѣзда.

старцы въ пустыни невидимой, яко крини сельные и яко финики, яко кипарисы и древа не старѣющіе; просіяли тѣ старцы яко каменіе драгое, яко многоцѣнные бисеры, яко звѣзды небесныя. Отъ устъ ихъ праведныхъ сердечная молитва къ небу восходитъ яко ѳиміамъ благоуханный, яко кадило благовонное, яко мvро добровонное. И егда нощь пріидетъ, тогда отъ устъ тѣхъ старцевъ праведная молитва бываетъ видима. Яко столпы огненные со искрами пламенными, отъ устъ старческихъ къ небу молитвы поднимаются и бываетъ отъ того по всей странѣ свѣтъ велій, яко свѣтъ молніи, книги чести и писати возможно безъ свѣщнаго сіянія... Выходятъ тѣ старцы лѣпообразные, въ поясъ судоходцамъ покланяются, просятъ свезти поклонъ, заочное цѣлованіе братьямъ своимъ въ Жигулевскихъ горахъ.... И когда росшива та проходитъ мимо Жигулевскихъ горъ, должны судоходцы исполнить приказъ старцевъ горъ Кирилловыхъ, должны крикнуть громкимъ голосомъ: «Ой, вы, гой еси старцы жигулевскіе. Привезенъ къ вамъ поклонъ отъ горы Кирилловой:—кирилловы стар-

цы съ вами прощаются, прощаются они, благословляются»....... Разступаются тутъ горы Жигулевскія, разверзаются врата великія, бѣлымъ камнемъ алебастромъ о всякую пору забра̀нныя и выходятъ на брегъ старцы лѣпообразные единъ по единому..... И поднявъ паруса бѣлые, птицей вольной полетитъ тогда росшива на Низовье.... Не насвистывай вѣтра, бурлакъ, лежа на̀ брюхѣ, безъ твоего свиста паруса̀ легкіе наѣдятся вѣтра могучаго—понесутъ они росшиву куда надобно. А забудь судоходцы исполнить завѣтъ старцевъ горы Кирилловой—возстанетъ буря великая, разверзнутся хляби водныя и поглотятъ росшиву со всѣми судоходцами.—Таковы блаженные старцы горы Кирилловой, таковы лѣпообразные старцы жигулевскіе....

— Гдѣ же тѣ горы? гдѣ же тѣ старцы? вполголоса спросилъ Гриша....

— Тамъ, куда ходу нѣтъ маловѣрамъ; тамъ, куда можетъ пройдти только истинный рабъ Христовъ, воли своей неимѣющій, въ душѣ помысловъ нечистыхъ непитающій, волю пославшаго творящій безъ разсужденія.... И нетоль-

ко въ Жигуляхъ, да на горѣ Кирилловой процвѣтаютъ таковые крины райскіе, но и въ иныхъ во многихъ мѣстахъ и пустыняхъ невидимыхъ просіяли свѣтомъ невечернимъ богоизбранныя свѣтила, ихъ же путь правъ и вѣра истинна; ихъ же имена въ книгѣ животной вписаны.... И сіяютъ тѣ свѣтила отъ древнихъ лѣтъ.... Тамъ, за Керженцемъ-рѣкой — пролегаетъ дорога, давнымъ давно запущённая. Нѣтъ по той дорогѣ ѣзду коннаго, нѣтъ по той дорогѣ пути пѣшеходнаго, а не заростаетъ она ни лѣсомъ, ни кустарникомъ.... То — «Батыева тропа».... Проходили тутъ татары поганые отъ стольнаго города Володиміра въ чудный Китежъ градъ. А тотъ чудный Китежъ градъ стоитъ на озерѣ Свѣтлый-Яръ (*). А ставленъ тотъ градъ благовѣрнымъ великимъ княземъ Георгіемъ. Попущеніемъ Божіимъ, грѣхъ ради человѣческихъ, пріиде безбожный царь Батый на Русь воевать.— Раззорилъ онъ, нечестивый, грады великіе; веси огнемъ пожигалъ, людей крещенныхъ всеядно-

(*) Озеро Свѣтлый-Яръ подлѣ села Владимірскаго (Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи).

му мечу предавалъ; дѣвъ, женъ, честныхъ инокинь блудомъ осквернялъ, младенцовъ ножемъ закалалъ. И тогда бысть по всей Русской землѣ плачь великій и стенаніе скорбное... Горькимъ плачемъ возрыдалъ благовѣрный великій князь Георгій, помолился онъ Господу Богу и Пречистой Богородицѣ и всѣмъ святымъ, собралъ вои своя и пошелъ на нечестиваго царя Батыя. И бысть сѣча велія и кровопролитіе многое. И побилъ нечестивый царь Батый благовѣрнаго, великаго князя Георгія и побѣжалъ благовѣрный, великій князь по Волгѣ рѣкѣ, перешелъ онъ отъ Кириловыхъ горъ, что стоитъ у Малаго Китежа четыре рѣки: первую рѣку Узолу, другую Са́нду-рѣку, третію Са̀нахту, а четвертую рѣку Кѐрженецъ. Приходилъ онъ ко озеру Свѣтлоярому, въ чудный Китежъ-градъ, градъ во славу Божію имъ благовѣрнымъ великимъ княземъ созданный. Много здѣсь бился великій князь Георгій съ безбожными татарами, не пущая ихъ въ Китежъ градъ и не стало у него силы ратныя—одолѣлъ безбожный Батый благовѣрнаго князя Георгія. Восхотѣлъ онъ, злолютый, и чуд-

ный градъ Китежъ раззорити;.... но Богу соизволяющу,—бысть тотъ градъ невидимъ.... и стоитъ онъ невидимъ и будетъ стоять невидимъ, дондеже солнце свѣтитъ и мѣсяцъ ходитъ на тверди небесной..... Лѣсомъ поросла страна Заузольская, запустѣла отъ безбожнаго Батыя сторона Керженская, запустѣла отъ него сторона Чернораменская,—а чудный Китежъ градъ, дивное строеніе благовѣрнаго великаго князя Георгія, стоитъ невидимо и будетъ стоять невидимо до втораго Христова пришествія.... И когда свѣтлымъ, тихимъ, лѣтнимъ вечеромъ станутъ гладью воды озера Свѣтло-яраго, ни вѣтеръ рябью не кроетъ ихъ, ни рыба, играючи, не пускаетъ широкихъ круговъ; тогда чудный, сокровенный Китежъ градъ кажетъ тѣнь свою: виднѣютъ въ озерѣ стѣны градскія съ башнями бѣлокаменными, съ бойницами крѣпкими, виднѣются церкви Божіи златоглавыя, высокіе терема княженецкіе, хоромы боярскія.... И много народу на озеро Свѣтлый-Яръ лѣтней порой сходится. Ложится народъ ночью вокругъ озера, припадаетъ ухомъ ко сырой землѣ..... И тогда въ безмолвной тиши

часа полуночнаго чудный, сокровенный Китежъ градъ даетъ знать о себѣ гуломъ своихъ колоколовъ серебряныхъ... А живутъ въ чудномъ градѣ Китежѣ люди блаженные, пустынные жители преподобные, тамо жизнь безпечальная, тамо жизнь безъ воздыханія, тамо день немерцаемый, тамо утѣхи райскія..... Тамъ и райская птица алконастъ поетъ, единороги по улицамъ и по садамъ ходятъ, а львы да ручные драконы градскія врата стерегутъ.... И всякій человѣкъ, послушаніемъ смирившій душу свою, путь въ чудный градъ Китежъ вѣдаетъ и блаженную жизнь тамо обрѣтающихся земныхъ ангеловъ, небесныхъ же человѣковъ, знаетъ.

— Скажи мнѣ путь.....

— Послушаніе безъ разсужденія..... Кто возжелаетъ всѣмъ сердцемъ и всею душою и всѣмъ помышленіемъ своимъ оставить сей многопрелестный міръ; кто нераздвоеннымъ умомъ и несомнѣнно, безъ разсужденія, слѣпою вѣрою обѣщается идти въ такое благоутѣшное пристанище, тому отворятся чудныя врата сокровеннаго града Китежа. Никому въ мірѣ не повѣ-

давши, ни отцу, ни матери, ни роду, ни племени и творя лишь послушаніе, творя лишь волю пославшаго тебя наставника, ступай все тропой Батыевой—иди, ничего тщетнаго въ себѣ не помышляючи, и о томъ, чтобы возвратиться вспять отнюдь не думая..... Будешь терпѣть лютый гладъ, будешь терпѣть мразный хладъ,—а ты все иди тропой Батыевой—пролагай стезю ко спасенію, направляй стопы въ чудный Китежъ градъ.... Нападутъ на тебя звѣри лютые, наскочитъ на тебя змѣя подколодная,—а ты все иди тропой Батыевой, пролагай стезю ко спасенію, направляй стопы въ чудный Китежъ градъ...... Возстанетъ буря великая, хлынутъ на тебя ручьи дождёвые, заскрипятъ по лѣсу сосны столѣтнія, повалятся на тебя деревья буреломныя,—а ты все иди тропой Батыевой, пролагай стезю ко спасенію, направляй стопы въ чудный Китежъ градъ..... Накинутся на тебя лютые демоны, нападутъ на тебя змѣи огненные, окружатъ тебя эѳіопы черные, загородитъ тебѣ дорогу вся сила преисподняя,—а ты все иди тропой Батыевой — пролагай стезю ко

спасенію, направляй стопы въ чудный Китежъ градъ.....

— Скажи мнѣ путь, въ онь же пойду; скажи мнѣ, отче, путь въ тотъ чудный градъ.... Хоть бы денёкъ одинъ пребыть тамъ.

— Тамъ — жизнь безконечная. Тамо часъ единъ — здѣшнихъ сто лѣтъ и болѣе. И не одинъ въ той сторонѣ градъ сокровенный обрѣтается; тамъ же на Нестіарѣ-озерѣ такой же сокровенный градъ. А еще подальше стоитъ въ лѣсу церковь невидимая, что въ старые годы стояла въ Василѣ городѣ, на Сурѣ на рѣкѣ.—Былъ праздникъ Господень — Преполовеньевъ день, пошелъ крестный ходъ на Суру рѣку воду святить, — двинулась и церковь Божія, пошла за крестами, съ людьми православными, благочестивыми.... И Сура рѣка разступалася, какъ ворота растворялася, принимала въ себя всѣхъ людей, что̀ крестнымъ ходомъ шли, принимала и церковь Божію..... И перенеслась та церковь за Суру рѣку, и за Волгу рѣку, и за Ветлугу рѣку и стала стоять невидимо въ лѣсахъ Керженскихъ... Стоятъ въ ней люди

василегородскіе и будутъ стоять, будутъ пѣть канонъ Пасхи до самаго втораго Христова пришествія..... И бысть единъ мужъ благочестивъ и боголюбивъ отъ единыя веси неподалеку стоящей. Изыде же мужъ той въ лѣсъ, ловитву за звѣрями дѣюще, и Божіимъ соизволеніемъ, за его жизнь подвижную и за многія добродѣтели, открылась ему церковь Василегородская. Подошелъ рабъ Христовъ къ дивной церкви Божіей и слышитъ онъ: поютъ восьмой ирмосъ канона на святую Пасху: «Сей нареченный и святый день»... И таково сладко было райское пѣніе, таково вокругъ церкви благоуханіе, таковъ свѣтъ окрестъ возсіялъ что мужъ тотъ самъ не зналъ — во снѣ онъ, или въ восторзѣ, или въ явь чудо совершается. И прослушалъ онъ только одинъ ирмосъ, и обратнымъ путемъ пошелъ во свояси, славя и благодаря Бога за видѣнное имъ и слышанное. И егда пріиде въ весь свою — ни единаго знаемаго обрѣтѣ, и ни единъ житель тоя веси его не позналъ. И бысть молва велія и многое разсужденіе въ людѣхъ.— Мужъ же той имя свое повѣдалъ, глаголя, что онъ наканунѣ лишь отыде изъ веси той въ лѣсъ,

звѣриныя ради ловитвы, и жену свою и дѣтей называя, и домъ свой указуя... И дивляхуся вси.... И обрѣтоша по сосѣдству мужа древня, ему же было вящше ста лѣтъ. И сказалъ той старецъ, что бывшу ему во отрочествѣ, слыхалъ онъ отъ родителей, что былъ въ веси ихъ человѣкъ добродѣтельный и благочестивый, имя же то самое имѣяй, какъ и пришлецъ чудный себя нарицаетъ, и что тотъ человѣкъ во едино время отыде въ лѣсъ, звѣриныя ради ловитвы, и не возвратися..... И повѣда людемъ чудный мужъ, что онъ видѣлъ въ дебряхъ лѣсныхъ церковь Василегорóдскую и слышалъ пѣніе ангелоподобное.... И егда повѣда, испусти духъ и преселися въ жизнь вѣчную... И познаху люди, что егда блаженный тотъ единъ ирмосъ: «сей нареченный и святый день» слушалъ — протекло сто лѣтъ и болѣе. И восхвалиша Господа и рекоша другъ ко другу: «дивенъ Богъ во святыхъ своихъ!»... И я знаю путь къ церкви Василегорóдской и могу указать путь тотъ несомнѣнно ищущему спасенія.......

— Отче, отче! скажи мнѣ.....

— Имѣешь ли послушаніе?

— Имѣю, отче.... Я сейчасъ.... И Гриша, взирая распаленными глазами на Ардаліона, подперъ руки въ боки, готовый пустится въ плясъ. Онъ уже затянулъ-было:

«Какъ во городѣ было во Казани...»

— Довольно.... Не надо больше, сказалъ Ардаліонъ. Благо твое послушаніе.... Аще всегда будеши таково творити волю мою безъ разсужденія— узриши благая горняго Іерусалима.... Можешь ли творить брань со антихристомъ?

— Могу, отче..... Гдѣ онъ? Покажи мнѣ его, проклятаго, да брань сотворю съ нимъ.

— Антихристъ, чадо, многоглавенъ, многоуменъ, многоязыченъ. Все, что̀ не нашей правой вѣры—все антихристъ. Вся эта пестрая поповщина, всѣ эти хромыя души, какъ бывая хозяйка твоя со своими исчадіями, со всѣмъ своимъ мерзскимъ отродьемъ—антихристъ!

— Отче, я иду—задушу ее и всѣхъ этихъ еретиковъ.

— Щука умретъ—зубы останутся, чадо. Не тронь....... Лучше зубы вырви у ней, если можешь.

— Какіе зубы?......

—Зубы ада—сила его..... Сила днешняго антихриста—въ деньгахъ..... Можешь ли ты вырвать зубы изъ мерзскихъ челюстей его, окаяннаго?

— Могу, отче. Я знаю, гдѣ сундукъ. Въ моленной, въ углу, подъ Николинымъ образомъ стоитъ. Иной разъ по ночамъ я хожу туда лампадки поправлять. Могу, отче!.... Я иду.....

И онъ пошелъ-было къ двери.

— Постой, сказалъ Ардаліонъ, еще время не настало, часъ не пришелъ... Но да будетъ благословенно твое послушаніе!.... Хощеши ли креститися въ правую вѣру?

— Хочу, отче; но гдѣ же?

— Идемъ на рѣчку—время благопріятно.

Пошли.... И въ тишинѣ ночной, перекрестилъ Ардалимъ Гришу подъ самой той ракитой, подъ которой такъ недавно онъ сжималъ въ объятіяхъ своихъ Дуняшу.... Полная луна обливала блѣднымъ свѣтомъ обнаженное тѣло троекратно, подъ рукою Ардаліона, погружавшагося въ свѣжія струи фанатика.—И далеко раздавалось по окрестностямъ громкое пѣніе соловьевъ.

И нарекъ Ардаліонъ имя ему—Геронтій.

— Благослови, отче, идти на антихриста! съ изступленнымъ жаромъ сказалъ Геронтій своему отцу-наставнику, возвратясь уже въ чуждую ему келійку.

— Ступай чадо!..... Благословенъ грядый во имя Господне—на антихриста.

Какъ угорѣлый, со всѣхъ ногъ бросился Геронтій. — Ардаліонъ поспѣшно сталъ собирать въ пѣщуръ свои пожитки, чутко прислушиваясь, не зашумѣли ли на дворѣ или на усадѣ. Потомъ затопилъ печку.—

Минутъ черезъ двадцат вошелъ въ келійку Геронтій съ сундукомъ. Едва могъ тащить его.

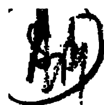
Сундукъ разбили. Вынули деньги и безъименные билеты. Векселя и другія бумаги бросили въ печку.

— Грядемъ, чадо, въ пустыню искать спасенія! сказалъ Ардаліонъ.

И наскоро положивъ семиплоклонный уставной «началъ», они вышли изъ келійки на всполье, перешли въ бродъ рѣчку и бѣгомъ пустились къ лѣсу.

Дня черезъ три хоронили Евпраксію Михайловну—умерла въ одночасье.

И запутались съ той поры и совсѣмъ порѣшились Гусятниковы.

Stanford University Libraries
3 6105 124 446 977

